

Амин
Амирбаев
Ростислав
Петров

ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ

Роман-хроника «Черный Иртыш» был опубликован в 11-12 номерах нашего журнала за 1988 год. Однако по цензурным и прочим соображениям тогда за пределами повествования остались, если можно так выразиться, глубины «Черного Иртыша», то есть факты и обстоятельства, вскрывающие основные пружины происходившего. Предлагаемые документальные повести сюжетно самостоятельны, но, будучи связаны с романом общими событиями, временем и местом действия, уточняют и органично дополняют его.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Наши читатели знают или слышали о трагических событиях, происходивших в Синьцзяне в сороковых годах XX века. По разным причинам многие факты и подоплека их замалчивались. Осталась за кадром деятельность советских эмиссаров, в частности разведчиков, в том регионе. Лишь после крушения системы, называвшей себя социалистическим лагерем, начала постепенно спадать пелена секретности с этой стороны жизни Восточного Туркестана. Но и поныне остаются втуне многие имена и выдающихся, и рядовых разведчиков, в отличие от имен прославленных певцов, музыкантов, артистов, писателей, художников. Подлинное имя агента разведки как бы погребено в сейфах секретных архивов спецслужб, куда простым смертным нет доступа, и чем дольше тайный агент неизвестен, тем больше ему славы, правда, тоже законспирированной. Известность для разведчика – провал, крах. Разоблаченных агентов разведки противник уничтожает безжалостно, как лютых врагов. А иногда их уничтожают и свои – тоже безжалостно, как носителей особо опасной для власти предрежащих информации. Народ чаще всего не знает своих героев тайной войны, и весьма редки случаи, когда такой герой осмелится надеть заслуженные ордена, потому что не вправе объяснить людям, за что он их получил.

Бывает, что разведчик гибнет в окружении врагов из-за «случайной небрежности» тех, кто обязан был с ювелирной тщательностью подготовить его ко всевозможным неожиданностям. Историк Юрий Нежников в «Литературной газете» (№ 25 от 21 июня 1995 года) рассказал о том, как замечательно работал в 40-х годах с западной агентурой начальник 1 Управления (разведки) НКГБ СССР

старший майор госбезопасности П. М. Фитин. Однако имеются сведения о его деятельности в те же годы, направленной не только на Запад, а и на Восток, в частности, на китайскую провинцию Синьцзян.

Одержимые идеей мировой революции, советские правители, едва зацепившись за власть, в условиях гражданской войны начали разжигать революционный пожар в Европе, но реальных результатов не добились. Инспирированные революционные выступления в Германии и Венгрии потерпели крах, а военная схватка с Польшей неожиданно закончилась тяжким поражением, которое можно расценить как оглушительную оплеуху по идее революционного похода на Запад.

И тогда их взоры обратились на Восток, в первую очередь на Афганистан, Турцию, Иран и, конечно же, Китай. Советские дипломаты в этих странах получили соответствующие специальные установки и инструкции, туда же устремились консультанты разных профилей и многочисленные советники, а порой и военные силы. При этом советские деятели не останавливались перед прямым вмешательством красноармейских частей во внутренние междоусобицы на стороне правительств или мятежников – безразлично, лишь бы спровоцировать «революционную ситуацию». Соответствующие секции Коминтерна и Управление разведки вели ту же работу с помощью наркоматов иностранных дел и обороны, а также Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), где воспитывались «преданные» делу коммунизма и мировой революции зарубежные кадры. Почетным ректором этого университета был Сталин, он несколько раз выступал в университете с лекциями.

Было бы наивно полагать, что Синьцзян, отделенный труднопроходимыми пустынями и горами от основной территории Китая и на протяжении 1700 километров граничащий с Советским Союзом, не привлечет к себе внимания специальных служб. Их деятельности благоприятствовали такие факторы, как преобладание угнетенного и потому беспокойного мусульманского населения и слабость, если не сказать бессилие, китайской власти на местах, обусловленное изолированностью от центра. В своем повествовании мы попытаемся вскрыть сущность многих «революционных» событий, происходивших в Синьцзяне в первой половине XX века.

В 1919–1920 годах, разбитые красными, перешли в Синьцзян и интернировались остатки Оренбургской (атаман А. И. Дутов) и Семиреченской (атаман Б. В. Анненков) белых армий. Ушли на чужбину не только казаки, солдаты и офицеры, но и их семьи – жены, дети вместе с необходимым для жизни домашним скарбом. Часть беженцев устремилась подальше от границы, главным образом в город Урумчи, основная же масса расселилась в приграничных китайских городах: Чугучаке (Тарбагатайский округ), Кульдже (Илийский округ), Шарасуме (Алтайский округ). В марте 1921 года в Синьцзян прорвались участники Западносибирского крестьянского восстания. И если к остаткам Оренбургской армии отношение китайской администрации было доброжелательно нейтральным, а к анненковцам настороженным из-за попытки скрытно провезти оружие (атаман Анненков был даже арестован и сидел в урумчинской тюрьме до 1924 года), то крестьяне-повстанцы вызвали явное раздражение китайских властей упорным нежеланием разоружаться. Этим воспользовалось командование Туркестанско-

го фронта и получило согласие губернатора провинции на ввод частей Красной армии в приграничные округа Синьцзяна.

Во второй половине мая – начале июня 1921 года советские отряды вступили в Тарбагатайский округ и начали операции по захвату эмигрантов в плен. С пленными не церемонились – расстреливали без особой волокиты. Примерно то же самое происходило и в Алтайском округе.

Но этим дело не ограничилось. Как и в Бухарской республике, в Синьцзяне вдруг возникли некие «революционные» группы, которые, разумеется, не без подсказки извне объявили о желании освободиться от гнета маньчжуро-китайских милитаристов и создать «свободные и независимые» Кашгарскую и Джунгарскую республики. Они обратились в Ташкент, в Турккомиссию, с просьбой о военной и материальной поддержке. Москва рассудила иначе. Что значили для нее какие-то две крошечные республики по сравнению с громадным многомиллионным Китаем, где 5 мая 1921 года в должность президента Китая вступил Сунь Ятсен? В своей борьбе с милитаристскими кликами он надеялся на советскую помощь, которую обещали ему работники Коминтерна. 28 августа того же года Сунь Ятсен писал наркому по иностранным делам Г. В. Чичерину: «Меня чрезвычайно интересует ваше дело, в особенности организация ваших Советов, вашей армии и народного образования...»

Чичерин отвечал от имени Ленина признаниями «в самой верной, сердечной и искренней дружбе» с китайским народом, «достижение благосостояния и свободное развитие которого являются нашим самым искренним желанием». И естественно, что на запрос из Ташкента в Москву Чичерин 17 июня 1921 года телеграммой ответил в Турккомиссию Рудзутаку, что образование самостоятельных Кашгарской и Джунгарской республик будет иметь отрицательные последствия: «ввиду нашей общей политики дружбы с Китаем и наших расчетов на китайскую демократию, мы должны стараться соблюдать хорошие отношения с китайскими властями. Политбюро приняло отрицательное решение на ваше предложение».

В Китае сформировалась и набрала большую силу коммунистическая партия, возник комсомол, действовали многочисленные военные и прочие советники из Советской России. Однако к концу двадцатых годов стало ясно, что экспорт революции не удался. У власти всерьез и надолго закрепился гоминьдановский режим во главе с Чан Кайши. Расчеты «на китайскую демократию» провалились. Тем не менее советники и их руководители из опыта общения с китайскими революционными генералами вроде Фэн Юйсяна или Го Сунлина и милитаристами вроде Чжан Цзолина или У Пейфу сделали определенные выводы, которыми и пользовались в своих действиях в Синьцзяне. Но события в крае не укладывались в рамки заготовленных предначертаний.

Если в центральном Китае на долгие годы запылал огонь гражданской войны, то на окраинах, особенно в Синьцзяне, вспыхивали яростные, исполненные жестокой энергии национально-освободительные восстания, потому что безысходность жизни бесправного местного населения не оставляла иного выбора. Нищета и гнет усугублялись высокомерным презрением гоминьдановского чиновничества и военщины к нравам и обычаям мусульманского населения, а также и сохранявшимися проявлениями рабства: властительные бонзы и купцы не стеснялись продавать и покупать местных девушек и детей для увеселения и приятного времяпрепровождения. Народными восстаниями отмечены и девятнад-

чатое, и начало двадцатого столетия. Духовенство придавало им соответствующую идейно-религиозную окраску «священной войны против неверных».

После того как на месте Российской империи появилось «первое в мире государство рабочих и крестьян», возле предводителей синьцзянских повстанцев рядом с наставниками веры стали возникать политические советники, одержимые идеями классовой борьбы и социальной справедливости.

Смутная обстановка в Синьцзяне и довольно значительное количество русских белых эмигрантов побуждали советских руководителей энергичнее вмешаться в события. Географическая изолированность провинции, слабо связанной с центральным Китаем, наталкивала на мысль поставить у власти просоветски настроенного губернатора, чтобы с его помощью провести чистку в эмигрантской среде и подчинить край своему влиянию, как бы распространяя тем самым социалистическое мировоззрение на соседнюю территорию.

В конце 20-х – начале 30-х годов в край хлынули новые, более мощные волны эмиграции: спасаясь от голода, коллективизации и советского террора, откочевывали, прорываясь через границу, казахские аулы, и скрытно, в одиночку и малыми группами переходили крестьяне-земледельцы. Случалось, находили пристанище басмачи. Эти обстоятельства усиливали беспокойство советского руководства и как бы подталкивали к решительному вмешательству в ход событий...

В сентябре 1932 года войска генерала Су Бинвэня выступили в северо-западной Маньчжурии против японских войск, но потерпели поражение и отступили на территорию СССР. Было интернировано, судя по телеграмме заместителя наркома иностранных дел СССР Л. Карахана генеральному консулу СССР в Урумчи И. Я. Златкину, «около трех тысяч солдат и 1200 гражданских лиц, в том числе 347 женщин и 306 детей». 13 января 1933 года на советско-китайской конференции Л. Карахан в беседе с членом китайской делегации Ван Цзэнсы сообщает последнему, что на советскую территорию «из Маньчжурии перешло еще около 5000 китайцев во главе с генералами Ли Ду и Ван Дэлинем. Я подчеркнул, что сейчас на нашей территории имеется больше 9000 китайских граждан и что нужно в самом срочном порядке решить... что с ними делать. Что касается женщин и детей, находящихся в Томске, то отправить их в Синьцзян не представляется возможным в силу климатических и транспортных условий. Что же касается солдат, то их можно было бы отправить от конечного железнодорожного пункта Турксиба в походном порядке... Я... выразил уверенность, что Цзинь (Цзинь Шужэнь – губернатор Синьцзяна. – *Авт.*) должен был бы с радостью принять китайских солдат из армии Су Бинвэня, ибо они, наверное, лучше, чем его собственная армия, а в настоящее время хорошие солдаты ему больше чем когда-либо нужны. Ван подтвердил, что сейчас Цзиню хорошие солдаты нужны, и он удивляется, почему нанкинское правительство до сих пор ничего не сообщило ему о согласии Цзиня». Карахану очень хотелось узнать, как отнесется синьцзянский губернатор к приходу армии Су Бинвэня. «Срочно сообщите, как Цзинь будет реагировать и какие он поставит вопросы. В беседе Вы не должны делать намеков о трудностях по эвакуации в Синьцзян», – дает он задание консулу Златкину (телеграмма от 8 января 1933 года).

В феврале-марте этого же года солдаты Су Бинвэня были репатриированы в Синьцзян, а сам генерал выехал в Китай через Европу.

3 февраля 1933 года Генеральный консул СССР в Кашгаре Ф. Е. Ткачев сообщил в Народный комиссариат иностранных дел, что 31 января его посетил административный и дипломатический начальник Кашгарского округа Ма Шаоу, который просил оказать «помощь оружием, валютой и войсковыми частями». Одновременно он предлагал советскому консулу осмотреть аэродром и определить его пригодность для эксплуатации. Ответ поступил без промедления – 4 февраля:

«Вы должны заявить Ма, что Вам категорически предложено не вести никаких разговоров на темы, связанные с внутренним положением в Синьцзяне, и тем более о каком-либо нашем вмешательстве во внутренние дела... Вопросы, которые ставит перед Вами Ма, вне Вашей компетенции...

Вы должны понимать сами, что меньше всего мы можем доверять Ма и что его предложения о вводе наших войск, посылке наших аэропланов обнаруживают его лицо настоящего провокатора, делающего эти предложения не без ведома англичан. Л. Карахан».

Другими словами, Ф. Е. Ткачеву дали понять, чтоб не лез не в свое дело и не путался под ногами.

Губернатор Синьцзяна Цзинь Шужэнь с каждым днем все больше терял контроль над провинцией: народные волнения охватывали округ за округом. Надеясь использовать в борьбе с ними русскую эмиграцию, он не поддавался советским требованиям «о выдворении белых из Синьцзяна». Замену несговорчивому губернатору нашли здесь же. Уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел СССР в Ташкенте Г. А. Апрезов остановил свой взор на недавно прибывшем из центрального Китая в Синьцзян молодым честолюбивом полковнике Шэн Шицае, сделавшем в Урумчи быструю карьеру: он утвердился в должности начальника штаба провинциальных войск.

В апреле 1933 года началось восстание против Цзиня в самом Урумчи – жестокость его администрации переполнила чашу терпения. Цзинь приказал Шэн Шицаю расправиться без пощады с восставшими. После того как в резиденции Цзинь Шужэня был без всякого повода расстрелян прибывший на аудиенцию полковник-эмигрант Шелестюк, к повстанцам с одобрения советского консульства присоединилась часть русских эмигрантов под командованием полковника Папенгута. Полурота под его командованием без единого выстрела разоружила охрану, ворвалась в резиденцию и овладела государственной печатью. Шэн Шицай же, опираясь на недавно прибывших в провинцию солдат Су Бинвэня, 12 апреля присоединился к повстанцам и объявил себя дубанем – генерал-губернатором Синьцзяна.

Свергнутый губернатор Цзинь Шужэнь выехал через советскую территорию в центральный Китай, в Нанкин, где 30 октября был арестован.

В провинции же разгорался военный пожар. Особую опасность для новоявленного дубаня создали вторгшиеся из соседних провинций тридцать пятая и тридцать шестая дивизии – дунганские войска под командованием Ма Чжунина, оснащенные японским оружием, и уйгурские повстанцы под водительством Ходжанияза. Дунгане подчинили себе основные округа Синьцзяна и успешно продвигались к административному центру. Вскоре они осадили Урумчи. Шэн Шицай отчаянно пытался удержать власть. Он провозгласил «шесть нерушимых принципов» своей политики, главными из которых были антиимпериализм, равноправие национальностей и дружба с Советским Союзом. Олицетворять «шесть

великих принципов» стала принятая в качестве государственной эмблемы «новой политики» шестиконечная звезда. Он обратился за помощью к руководителям СССР, обещая в будущем сделать Синьцзян советским. Он вступил в переговоры с Ма Чжунином и Ходжаниязом, пытаясь сравить их между собой и превратить одного из них в своего союзника. Ходжанияз прельстился на обещанную высокую должность и не без влияния тайных советников перешел на сторону дубаня вопреки мнению ближайших своих сторонников.

Генерал Чжан Пейюань, особоуполномоченный по управлению кочевниками Илийского округа и командир расквартированной в крепости Курэ (неподалеку от города Кульджи) пятой дивизии, сговорившись с Ма Чжунином, выступил против Шэн Шицая. Создание этого блока санкционировал министр иностранных дел центрального китайского правительства, прибывший в Синьцзян для ознакомления с положением. Окруженный превосходящими силами противников, новоявленный генерал-губернатор, казалось, был обречен. Но сказав «А», скажешь и «Б»: у тех, кто привел его к власти, не было теперь иного выхода, кроме как помочь своему ставленнику.

И. Я. Златкина, переведенного на работу в Монголию, сменил новый генеральный консул в Урумчи Г. А. Апрезов, твердо поддерживавший перед Москвой просьбу дубаня о военной помощи, хотя советский резидент Киселев призывал не доверять и не помогать Шэн Шицаю. В инстанциях советской разведки был разработан план активной военной помощи правительству Шэн-дубаня, в который вошли следующие пункты:

1. В короткие сроки замаскировать выделенные для действия части под белогвардейские (обмундирование, система обращения между командирами и рядовыми).
2. Замаскированно перебросить части через границу.
3. Обеспечить формирование новых белогвардейских частей.
4. Обеспечить полностью тайну проводимых мероприятий.
5. Наладить нужное взаимодействие с белогвардейскими частями.
6. Привести в боеспособность китайские части.
7. Взять под свое влияние китайскую администрацию.
8. Усилить войсковую разведку среди населения.
9. Сохранить Шарипхана (губернатора Алтайского округа из знатного казахского рода Кугедаевых. – *Авт.*) на позиции верности и поддержки Шэн-дубаня.
10. Парализовать деятельность иностранцев (особенно авиакомпанию «Евразия»).

Для осуществления плана на территорию Синьцзяна были переброшены два хорошо вооруженных отряда Красной армии, переряженные в русские эмигрантские части. Первый отряд начал действовать вдоль тракта между городами Чугучак и Урумчи, направляя удар на город Шихо, в котором стояли пехотный и кавалерийский полки Чжан Пейюаня. Второй отряд – так называемый «алтайский» – под видом белых, пришедших то ли из Чугучака, то ли из города Шарасуме (административный центр китайского Алтая), совершил налет на крепость Курэ (неподалеку от Кульджи), где находилась ставка генерала Чжана. Отряд не сумел скрытно развернуться для атаки, поэтому штурм не удался, хотя и были подорваны ворота крепости. За внешними воротами оказались внутренние, и отряд

отступил. Через день, 1 января 1934 года нападение было повторено, при атаке удачно брошенная граната попала в резиденцию Чжан Пейюаня, и генерал в страхе бежал в сопровождении 150 человек охраны. 3 января он застрелился в селении Мазар, что в 60 километрах к северо-востоку от Кульджи. 2 января крепость пала. 1900 ее защитников сложили оружие. 12 января 1934 года газета «Известия» под заголовком «Ликвидация мятежного генерала Чжана в Синьцзяне» поместила сообщение: «Алма-Ата. 6 января (РОСТА). В результате успешного движения на Кульджу отрядов правительственных войск и беспорядков внутри частей генерала Чжана, мятеж, поднятый против Синьцзянского правительства, ликвидирован. Остальные силы генерала Чжана, заявив о своем подчинении провинциальному правительству, сдались командованию правительственных войск. Генерал Чжан с небольшой группой своих приближенных бежал в горы».

Одновременно велась направляемая из советского консульства энергичная разведывательная и пропагандистская работа в среде русской эмиграции. Наиболее состоятельные ее представители уехали от греха подальше – в центральный Китай или за его пределы, но таких было немного. Большая часть эмигрантов, особенно беженцы первой волны, хотела возвратиться на родину. На этих людей воздействовали по методу кнута и пряника: им внушали, что вина их перед советским народом безмерна и прежде всего надо искупить ее, воюя на стороне Шэн Шица, заслужить прощение, а уж после этого просить о возвращении на родину. Подобное отношение однозначно распространялось на всех эмигрантов: стариков и старух, мужчин и женщин в расцвете лет, юношей и детей, даже тех кто родился уже в Китае. Самым активным сторонником Шэна проявил себя упомянутый полковник Папенгут, он сколотил эмигрантские полки и привел их под знамена дубаня. Надо признать, что и жизненные обстоятельства вынуждали эмигрантов защищать себя и свои семьи от отрядов Ма Чжунина, воевавших под лозунгами распространения ислама шафиитского толка и в слепом фанатизме не щадивших не только иноверцев, но и мусульман, если те следовали иной исламской доктрине.

Как сказано в обзорной докладной штаба управления пограничных и внутренних войск Полномочного представительства ОГПУ в Казахстане начальнику Управления погранвойск ОГПУ СССР Фриновскому, «очень быстрая ликвидация нами Чжан Пейюаня и проведение работы среди белых спасли правительство Шэн-дубаня от неминуемого разгрома».

Ма Чжунин, подошедший со своими войсками к Урумчи, был уже один, без своего союзника Чжана, а выброшенные дубанем части в Шихо уже вернулись в Урумчи. Только благодаря этому обстоятельству Ма Чжунин не смог сразу взять Урумчи, а был вынужден вести длительную осаду». Но и при этих условиях Шэн-дубань заявил генконсулу Апресову, что своими силами ему Ма Чжунина не одолеть: белые части утомлены, а китайские войска недостаточно боеспособны по сравнению с противником. Апресов стал добиваться, чтобы «алтайцы отряда Федотова» были направлены на выручку Урумчи и чтобы Шэн Шицаю немедленно отправили оружие и авиацию.

«В момент окружения Ма Чжунином Урумчи, – говорится в уже цитированной обзорной докладной, – наши части согласно приказу форсированно отводились на нашу территорию, причем отряд № 1, действовавший в направлении Шихо, в силу состояния дорог, погоды и транспорта при движении растянулся почти на

300–350 км и некоторые части (кавалерия, батареи) находились на нашей территории. Приказ об организации операции против Ма Чжунина и затем последующий приказ о форсированном движении на Урумчи заставили нас всю длинную кишку наших войск повернуть обратно».

Помощь оружием и авиацией тоже подоспела без промедления. Вот как вспоминает об этом летчик Федор Петрович Полянин, впоследствии советский ас, генерал-полковник авиации, дважды герой Советского Союза: «Генерал Ма Чжунин, подстрекаемый японскими милитаристами, поднял вооруженный мятеж против провинциального правительства. Его войска окружили столицу Синьцзяна г. Урумчи и штурмуют крепостные стены. Губернатор провинции Шэн Шицай просит о помощи. Урумчи расположен в долине, с трех сторон замкнутой горами. Население – около 30 тыс. человек, преимущественно уйгуры и дунгане. Значительно меньше было китайцев и совсем немного русских...

В ночь на 25 декабря нас подняли по тревоге.

– Предстоит боевое задание. Загрузите самолеты бомбами, захватите второй боекомплект к стрелковому вооружению...

Взлетели благополучно (с небольшого полевого аэродрома у советской пограничной деревушки Бахты. – *Авт.*). Но самое трудное впереди. Перевалим ли через горный хребет Тарбагатай? Высота его 4 тыс. м, вершины гор закрыты облачностью. Оставалось одно: подняться как можно выше и лететь вслепую. А на самолетах не было ни радиостанции, ни кислородного оборудования. Высотометр, указатель скорости, компас, часы – вот и все наши приборы...

Хронометр неумолимо отсчитывал минуты. По времени горы должны были остаться позади, а вокруг по-прежнему клубились облака. Снижаться опасно... От кислородного голодания немного подташнивает, решаю снизиться. Передо мной открылась пустынная Джунгария, глазу остановиться не на чем. Ни деревца, ни кустика. Голые камни и песок...

Внизу показалось какое-то селение. Смотрю на карту: похоже, Шихо. Приземляемся. К нам подходит высокий тучный офицер. На плечах у него погоны полковника царской армии. Вскинув руку к папахе, он представляется:

– Полковник Иванов. Как долетели, господа?

Признаться, вначале я опешил от такого обращения: советским людям было дико слышать «господа». Но взяв себя в руки, я представился, правда, под другой фамилией.

– Давно вас ждем, господа, – продолжал полковник, с улыбкой покручивая свои черные, с проседью усы.

– Простите, кто вы будете? – не удержался я от вопроса.

– Командир кавалерийского полка русских эмигрантов, – ответил Иванов. – Мой полк входит в состав бригады китайских правительственных войск. Здесь я оказался потому, что мне, как русскому, приказано встретить вас...

Дозаправив самолеты горючим... снова поднялись в воздух. Видимость была прекрасной, и наша пара без затруднений вышла на Урумчи.

Подлетая к городу, мы увидели у крепостной стены огромную массу людей. Мятежники штурмовали крепость. Тускло мелькали частые вспышки выстрелов. Позади штурмующей пехоты гарцевали конники.

Снижаемся и начинаем поочередно бросать в гущу мятежных войск 25-килограммовые осколочные бомбы. Внизу взметнулось несколько взрывов. На

выходе из атаки штурманы строчат из пулеметов. Видим: толпа мятежников отхлынула от стены и бросилась бежать. Обогнав ее, помчалась в горы конница. На подступах к крепости отчетливо выделялись на снегу трупы. Почти у самой земли мы сбросили последние бомбы. Мятежники точно обезумели от внезапного воздушного налета. Позже выяснилось, что суеверные вояки генерала Ма Чжунина восприняли падающие с неба бомбы как божью кару. Никто из них ни разу в жизни не видел самолета. Разогнав мятежников, мы возвратились в Шихо».

Вряд ли удастся сейчас установить, кто встретил летчиков в Шихо: настоящий белый полковник Иванов или «алтаец из отряда Федотова». Вероятнее второй вариант, потому что фамилия у полковника очень уж редкая, да и начальники советские весьма неохотно допускали контакты между своими людьми и эмигрантами, к тому же последние избегали этого непопулярного слова, называя себя просто русскими.

Бой советских частей с отрядами Ма Чжунина под Санчжи 27 января 1934 года сложился неудачно: 44 человека было убито, трое попали в плен. Советский автотритет был подорван, возникло недоверие между красноармейцами и эмигрантами. В штаб отряда № 1 из штаба Кузьмича – командующего введенным в Синьцзян советским воинским контингентом – прибыли начальник разведывательного отдела ПП ОГПУ в Казахстане Хворостян и начальник штаба Кузьмича Леонов. После совещания, длившегося около трех часов, последовал приказ о новом наступлении. Поначалу оно не было успешным, из-за того что, как объясняется в обзорной докладной, «китайские и белые части, выполнив формально приказ, в действиях были нерешительны, не желали терять людей». Но атаки продолжались, и 8 февраля противник был сбит с позиций на реке Тутунхо, 9-го успех развивался, 10-го Ма Чжунин поспешно снял осаду с Урумчи и отступил к югу. Урумчинский гарнизон при этом не проявил никакой активности, Шэн Шицай предпочел только наблюдать за развитием событий, мало веря в окончательный успех.

11 февраля конная группа наступающих вела бой с противником уже у горного перевала Даванчин, где Ма Чжунин попытался оказать сопротивление, но сил для нового наступления у него теперь не было – он потерял в боях около двух тысяч человек. Потери советских войск составили 25 человек.

15 февраля 1934 года газета «Известия» сообщила: «Бахты. 14 февраля. (РОСТА). 12 февраля дубань (главнокомандующий провинциального правительства) Шэн Шицай перешел в общее наступление против Ма Чжунина. Дунганская армия, понеся большие потери, бросив часть обозов и автоимущества, стремительно отступила на 100 км в южном направлении и пытается задержать наступление преследующих его войск провинциального правительства на Даванчинском перевале».

Ма Чжунина покинули такие видные его помощники, как начальник штаба Камал – бывший турецкий и бывший белый офицер, окончивший академию Генерального штаба Германии, и начальник снабжения Юлбарс (из Хами) – бывший офицер китайской армии, соратник Ходжанияза, перешедший затем к Ма Чжунину.

Объединенные силы (советский воинский контингент, китайские войска и русские эмигрантские части) одержали у перевала Даванчин решительную победу над генералом Ма Чжунином – главным соперником Шэн Шицай в борьбе за власть над провинцией. В конце апреля советские подразделения, «алтайцы»

возвращены на родину. В Синьцзяне были оставлены часть артиллерии, несколько бронемешин и кавалерийский полк численностью до тысячи человек. Для обучения и реорганизации шэншицаевской армии была усилена группа военных советников, насчитывавшая несколько десятков человек – в нее направили весной 1934 года выпускников Военной академии имени Фрунзе: Павла Семеновича Рыбалко, Виктора Тимофеевича Обухова, Ивана Федоровича Куца, Шаймуратова и Кудрявцева. Общее руководство советниками осуществлял комдив Ади Керимович Маликов, получивший должность старшего военного советника дубаня, а фактически сделавшийся начальником штаба синьцзянской армии. Остальные командированные получили назначения в военные подразделения, в частности П. С. Рыбалко (в будущем маршал и дважды Герой Советского Союза) под китайским именем Фу Цихуэй и официально «русский генерал китайской службы» был назначен помощником к командующему Южным фронтом белому эмигранту генерал-лейтенанту Николаю Ивановичу Бектееву, возглавлявшему русский отряд вместо арестованного Папенгута.

Отбиваясь от преследующего противника, Ма Чжунин постепенно отходил на юг, в Кашгарию. Там он после ряда поражений убедился в бесперспективности дальнейшей борьбы и вместе с приближенными соратниками эмигрировал в СССР. Остатки дунганских войск в Кашгарии под командованием генерала Ма Хусяна все еще представляли угрозу для власти Шэн Шицая. После настойчивых его просьб туда ввели новый воинский контингент – казахский кавалерийский полк из Алма-Аты, который покончил со всеми проявлениями сопротивления шэншицаевской власти.

Советский Союз не ограничился военным вмешательством в синьцзянские дела. Шэн Шицаю был предоставлен военный заем в пять миллионов рублей золотом для укрепления армии провинциального правительства. Пока дубань нуждался в советской военно-политической и экономической поддержке, он был вернейшим другом СССР, преданнейшим его сателлитом, отвернувшимся от своих нанкинских покровителей, направивших его в Синьцзян для укрепления там позиций Гоминьдана. Он выдавал себя за горячего поборника марксизма, домогался у Сталина разрешения на создание в провинции своей собственной компартии. Выполнение этой просьбы осложнило бы отношения Коминтерна с Мао Цзэдуном, и без того натянутые. Поэтому Политбюро ЦК ВКП(б) решило принять «товарища Шэна» в ряды собственной партии, и заместитель начальника Разведывательного управления Красной армии Сергей Гендин 29 сентября 1938 года вручил Шэн Шицаю заветный партийный билет, взяв слово, что свое пребывание в рядах ВКП(б) тот будет скрывать ото всех.

Интерес Сталина к Синьцзяну понятен – провинция граничит с Казахстаном, Средней Азией и Сибирью. Шэн Шицай умело пользовался этим вниманием, постоянно напоминал Сталину о японской опасности. И хотя советские разведчики в провинции отрицали такую угрозу, Сталин прислушивался к заверениям китайского милитариста.

Шэн Шицай хотел руками Москвы расправиться с настоящими и будущими противниками своего режима – «японскими агентами» и «троцкистами», какими объявлялись подозреваемые в нелояльности к новоявленному правителю.

Можно полагать, что, приняв Ма Чжунина в эмиграцию, советские руководители думали использовать его как средство давления на дубаня. В СССР совет-

ские разведчики, представители Коминтерна и его китайской секции подвергли Ма Чжунина пристрастному допросу. «Японский след» в действиях генерала результаты допроса не обнаружили.

Ма Чжунин со своими соратниками преспокойно проживал в Подмосковье на даче. Полковник Иван Иванович Иванов, долгое время работавший в Синьцзяне, утверждал, что в один из приездов в Москву видел фотографию, где Ма Чжунин был снят в компании высоких чинов НКВД. Впоследствии Иванов не смог сообщить ничего достоверного о судьбе дунганского генерала. «Ходили упорные слухи, – сказал он, – что после очередного посещения советской столицы Шэн Шицаем дача, где проживал Ма Чжунин, была окружена отрядом НКВД, расстрелявшим его обитателей». Если рассказ Иванова правдив, то, выходит, Шэн Шицай убрал из жизни руками Сталина основного своего соперника. Подобного рода услугами кремлевского вождя он искусно пользовался и в дальнейшем. ОГПУ-НКВД хозяйничали в Синьцзяне, как в своей вотчине. В 1937-38 году командированные из СССР многочисленные следователи и другие специалисты заплочных дел рука об руку с дубаневскими костоломами развернули против видных представителей населения провинции террор не менее жесткий, чем в Советском Союзе. Жертвой его стал в числе многих русских эмигрантов и полковник Папенгут, приведший Шэн Шицай к власти. Советские консульские работники даже в 50-х годах уверяли вдову полковника, Тамару Леонидовну Папенгут, что, вывезенный на Родину после ареста, он жив и здоров, но вестей не подает, потому что засекречен как крупный военный специалист. В надежде встретиться с мужем Тамара Леонидовна возвратилась из эмиграции на Родину, но, разумеется, ничего о муже не узнала и скончалась в Алма-Ате.

Под пытками Ли Инчи, этого синьцзянского прототипа Ежова, погибло много китайцев, уйгуров, казахов, русских, дунган, монголов, объявленных «японскими агентами», «троцкистами», «пантюркистами», «шпионами»... Так, опираясь на советскую помощь, укреплял свой режим в Синьцзяне Шэн Шицай. А упрочившись у власти, повел себя более независимо от Москвы. И в речах его появилось упоминание о некоем империализме, стремящемся закабалить Синьцзян. Намек более чем прозрачный при тогдашнем геополитическом положении Синьцзяна.

С началом советско-германской войны отношение Шэн Шицай к СССР изменилось существенно. К лету 1942 года, в период неудач Красной армии на юге Украины, его неприязнь к Советам перешла в открытую вражду, зато наладилось взаимопонимание с Чан Кайши.

В конце мая 1943 года в Москве на Лубянке состоялось совещание ответственных сотрудников советской разведки, причастных к работе в провинции Синьцзян. В зале заседания наркома госбезопасности СССР генерал-лейтенанта Меркулова присутствовали руководящие работники Центрального аппарата разведки и погранвойск, руководители разведывательных служб Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана и Алтайского края, резиденты советской разведки из синьцзянских городов Урумчи, Кульджа, Чугучак, Шарасуме, Кашгар и из монгольских городов Улан-Батор и Кобдо.

Совещание открыл член Политбюро ЦК ВКП(б) Л. П. Берия, курировавший деятельность правоохранительных органов.

– Советский Союз примерно на 1700 километров граничит с китайской провинцией Синьцзян, – сообщил он. – Этой провинцией около десяти лет правит ки-

тайский милитарист Шэн Шицай, который утвердился у власти при нашей военно-политической и экономической поддержке. С началом Великой Отечественной войны, воспользовавшись отвлечением внимания Советского правительства к советско-германскому фронту, Шэн Шицай на первых порах замаскированно, а со временем открыто стал проводить против СССР враждебную политику.

Товарищ Сталин и Советское правительство долго терпели недружелюбные, а порой явно враждебные наскоки гоминьдановца Шэн Шицай. Но нашему терпению пришел конец. Пришел конец и терпению местного некитайского населения провинции, изнывающей под гнетом колонизаторской политики Шэн Шицай. На бескрайних просторах Синьцзяна давно идет подпольная антигоминьдановская борьба народов провинции. Отдельные представители этих подпольных организаций неоднократно обращались к нам с просьбами о помощи. В то время их призывы не нашли нашего сочувствия и поддержки.

Принимая во внимание, что Шэн Шицай изменил своим ранее провозглашенным заявлениям о дружбе с Советским Союзом и открыто перешел на позиции реакционной чанкайшистской клики, Политбюро ЦК ВКП(б) 16 мая 1943 года приняло по рекомендации центра советской разведки решение оказать военно-политическую поддержку антигоминьдановской борьбе населения Синьцзяна, — сообщил Берия и предложил начальнику первого, разведывательного, управления Наркомата госбезопасности СССР генерал-майору Павлу Михайловичу Фитину рассказать об оперативной обстановке в провинции.

Фитин — один из тех, кого выпестовал Берия взамен уничтоженных Ежовым руководителей советской разведки, — сказал, что будет краток, поскольку все находящиеся на совещании занимаются разведкой против шэншицаевского Синьцзяна и в той или иной степени осведомлены об обстановке в регионе. С 1942 года она характеризуется стремлением Центрального правительства Китая под видом создания второй оборонительной базы сопротивления Японии захватить Синьцзян и превратить его в антисоветский плацдарм. Группа деятелей центрального Китая, руководимая военным министром Хэ Инцином и заместителем начальника генштаба чанкайшистской армии, лидером мусульман Китая Бай Чунси, официально поставила перед Чан Кайши вопрос о полном подчинении дубаня Шэн Шицай Центральному правительству, не останавливаясь перед применением активных средств, включая ввод войск и организацию восстания синьцзянских мусульман против Шэн Шицай... В марте 1942 года было решено организовать в Урумчи штаб-квартиру Чан Кайши, который при этом заявил: «Если Шэн Шицай не будет выполнять распоряжения Центрального правительства, то мы заставим его подчиниться военной силой, а влияние СССР, который хозяйничает в Синьцзяне, — надо парализовать».

В начале июля Синьцзян посетил командующий восьмым военным округом в Ганьсу Чжу Шаолян. После доклада Чан Кайши он 19 июля снова прибыл в Урумчи и предъявил Шэн Шицаю следующие требования:

1. Впредь Шэн Шицай останется только чжуси, то есть председателем провинциального правительства. Вместо поста дубаня в Урумчи учреждается пост комиссара Синьцзянского пограничного района, назначаемого из центра.

2. Из известных шести принципов управления Синьцзяном исключить пункт о дружбе с СССР. Чан Кайши оправдывал это требование тем, что помимо СССР союзниками и друзьями Китая являются Америка и Англия.

3. Из тех же шести принципов исключить пункт о борьбе с империализмом, так как он направлен против Америки и Англии, союзников и друзей Китая.
4. Ликвидировать синьцзянскую валюту и перейти на общекитайскую денежную систему.

5. Все горно-промышленные предприятия, у кого бы они ни находились, передать в ведение Центрального правительства Китая.

Клика Шэн Шицая, сказал Фитин, обвинила советских официальных работников в Синьцзяне в троцкистской деятельности, обвинение носило плохо замаскированную антисоветскую направленность. Кампания совпала с массовыми арестами прогрессивной и просоветской части военных и гражданских чиновников. Полиция провинции открыто ведет работу против советских учреждений и граждан. Прикрываясь болезнью, Шэн-дубань прекратил всякое общение с нашими представителями в Синьцзяне. Такое его поведение отразилось на отношении офицеров армии дубаня и чиновников провинциального правительства к советским инструкторам и специалистам на китайской службе. Этого показалось мало, и Шэн Шицай обвинил генконсула Бакулина, главного военного советника Ратова и других наших работников в подготовке «заговора на безопасность Синьцзяна и Советского Союза». Участниками этого заговора дубань объявил китайских коммунистов, убрав их со всех постов в армии и гражданских службах.

С июня 1942 года зафиксировано много случаев массового прибытия в Синьцзян через Ганьсу «беженцев» из центрального Китая. Они приезжают организованно, и их расселяют вдоль советско-синьцзянской границы.

Центральное правительство Китая и Шэн Шицай полагают, что бригада советских пограничных войск, дислоцированных в городе Хами по соглашению с дубанем в начале тридцатых годов, чтобы не допустить проникновения в провинцию прояпонских вооруженных отрядов, явится серьезной помехой вводу гоминьдановских войск в Синьцзян. Поэтому они настаивают на выводе этой бригады. Активизация антисоветской деятельности Шэн Шицая ставит перед советской разведкой задачу поднять уровень работы в этой провинции. Наряду с агентурным проникновением в правительственные и военные учреждения с целью вскрытия их антисоветских устремлений и планов, – говорил Фитин, – нам следует впредь установить активные контакты с антигоминьдановским подпольем, оказывать ему как политическую, так и военную помощь.

Далее Фитин изложил суть намеченных мероприятий:

принять конкретные меры по укреплению резидентур в Синьцзяне опытными кадрами и по улучшению их материально-технического обеспечения;

с партийными органами наших сопредельных с Синьцзяном среднеазиатских республик и Казахстана достигнута договоренность о выделении ими в наше распоряжение опытных пропагандистских кадров для внедрения в антиправительственное подполье Синьцзяна с целью его, подполья, идеологического и организационного укрепления;

с ними же достигнута договоренность об организации в городах Алма-Ата, Ташкент и Фрунзе курсов подготовки партизанских командиров из числа вывезенных для этой цели в СССР участников тамошних подпольных антиправительственных организаций;

отделам разведки наркоматов госбезопасности Казахстана и Киргизии предложено организовать при погранзаездах свои опорные оперативные пункты;

которые занялись бы разведывательной деятельностью и установлением контактов с антишэновским подпольем в приграничных районах Синьцзяна;

руководству наркоматов госбезопасности Казахстана, Узбекистана и Киргизии предложено сформировать из числа осевших на их территориях выходцев из Синьцзяна воинские части и организовать обучение их методам партизанской борьбы. Эти части будут введены в Синьцзян с началом вооруженного восстания населения провинции против режима Шэн Шицая.

Совещание длилось несколько дней. Выступали на нем не только москвичи, но и работники разведки с периферии. По предмету повествования мы перескажем выступление наркома госбезопасности Казахстана генерал-майора Н. К. Богданова и вице-консула советского консульства в городе Кобдо (Монгольская Народная Республика) К. А. Мамышева.

Первый сообщил, что органы разведки Шэн Шицая активизировали антисоветскую деятельность в приграничной территории и что приходится принимать меры по пресечению этой деятельности. Например, с середины 1942 года усилилась работа китайских разведчиков в Зимунае, расположенном напротив нашей погранзаставы Майкапчагай.

Алтайский округ Синьцзяна населен казахами, среди них большим авторитетом пользуется княгиня Кадуван (Хадиван) Кугедаева. Для внедрения в ее окружение подобран и проходит подготовку в качестве разведчика-нелегала старший сержант госбезопасности (звание, соответствующее армейскому старшему лейтенанту) «Мутиев». Осенью текущего года будет направлен туда. Для создания нелегальной резидентуры в городе Кульдже подобран и изучается китаец «Головин», прошедший в свое время подготовку для закордонной работы по линии Коминтерна. Центр одобрил эту кандидатуру и порекомендовал «женить» его предварительно на нашем агенте-нелегале. Для этой цели подобрали врача «Лиану». В настоящее время готовим ее для заброски за кордон вместе с «Головиным».

Наша резидентура, сообщил К. А. Мамышев, действует с приграничной территории дружественной Монголии против Алтайской окружной администрации Шэн-дубаня. Казахское население Алтая длительное время ведет вооруженную борьбу с китайской администрацией. В поле зрения находится одна группа, которую возглавляет непримиримый враг китайцев. Его зовут Оспаном. Мы дали ему условный псевдоним «Герой».

– Уважаемый Константин Афанасьевич! – перебил Мамышева начальник разведотдела Наркомата госбезопасности Казахстана Мирошин. – Я в свое время служил в нашем консульстве в Чугучаке и был наслышан о набегах этого «героя» на кобукских монголов. Да и наши пограничники хорошо знают его как главаря конокрадов. Так что будьте осторожны...

– Дорогой Иван Андриянович, – ответил Мамышев. – Много небылиц распространяют недруги вокруг Оспана. Но надо же брать в расчет и такие его положительные качества, как организаторские способности, храбрость, отвагу, непримиримость. Они дают основание полагать, что при надлежащем руководстве с нашей стороны из него выйдет неплохой вожак народных масс. Что касается скотокрадческих наклонностей, то, думаю, мы сумеем избавить его от этого отрицательного качества.

– Верится с трудом... – усмехнулся Мирошин.

– Цыплят по осени считают, – парировал Мамышев.

С заключительным словом выступил Берия. Он еще раз призвал усилить разведывательную работу и активно искать контакты с антигоминьдановским подпольем некийтайского населения Синьцзяна. В конце выступления проинформировал слушателей о важнейших решениях Политбюро ЦК ВКП(б) в отношении Синьцзяна:

- принимая во внимание сложившуюся обстановку, вывести из города Хами дислоцированную там бригаду советских пограничников;
- эвакуировать из Урумчи авиасборочный завод;
- прекратить деятельность нефтеперерабатывающего завода в Тушанцзы и горнодобывающих предприятий в Коктогае и Боротале с вывозом в СССР их оборудования и советского персонала;
- отозвать в Советский Союз всех наших военных инструкторов и наших специалистов на гражданской службе в Синьцзяне.

Основываясь на выводах совещания, руководство Наркомата госбезопасности СССР вошло в Политбюро с ходатайством о том, чтобы в случае обращения руководителей антигоминьдановского подполья за военной помощью ввести в Синьцзян части наших погранвойск.

Действуя в духе совещания, руководители госбезопасности стали энергично содействовать развитию антигоминьдановского освободительного движения в Синьцзяне, приведшего к восстанию в Кульдже, приуроченному к 7 ноября 1944 года, и провозглашению Восточно-Туркестанской республики. А перед тем казахстанские чекисты приступили к операциям «Мутиев», «Лиана» и «Герой».

Чтобы сохранить тон, язык и стиль материалов, как характерный элемент ушедшей в прошлое эпохи, мы свели к минимуму необходимую литературную правку.

ТРАГЕДИЯ МУТИЕВА

Эту трагедию организовали и осуществили перечисленные ниже бывшие должностные лица:

- Фитин П. М. – начальник Первого управления НКГБ СССР, Москва,
- Богданов Н. К. – нарком госбезопасности КазССР, Алма-Ата,
- Володин – заместитель Богданова,
- Мирошин И. А. – начальник Первого (разведывательного) отдела НКГБ КазССР, Алма-Ата,
- Евсеев П. Г. – вице-консул Генерального консульства СССР в Урумчи,
- Зайнуллин Х. З. – вице-консул СССР в городе Чугучаке,
- Абузаров А. З. – вице-консул СССР в городе Шарасуме.

Началась она с обычной деловой переписки. Нарком госбезопасности Казахстана уведомил начальника Первого управления НКГБ СССР о том, что он приступил к намеченной операции.

Богданов – Фитину. 12 февраля 1942 года.

Истаев согласен. Сначала его познакомим с сыном Кугедаевых Кадуван и Аленья – Кугедаевым Далельханом.

12 сентября 1942 года нарком Богданов утвердил разработанный его подчиненными план по «внедрению в окружение казахских князей Кугедаевых в качестве нелегала старшего сержанта госбезопасности Истаева Галия». Из скудных биографических данных мы узнаем, что Истаев Гали (1918 года рождения, казах, уроженец Джамбейты, Западно-Казахстанской области, из бедняков, член ВКП(б) с 1941 года, окончил педагогический рабфак в Уральске) был холост, но имел жену – Шукургалиеву Нафису. В 1933–1934-х он – ученик 1-й образцовой школы 1-й ступени, с. Джамбейты, затем курсант совхозного училища, в 1935–1939-х – студент педагогического рабфака, г. Уральск. В 1939-м он становится слушателем школы НКВД в Алма-Ате, а с 1940 года работает по новой специальности – оперуполномоченным НКГБ КазССР – и успешно продвигается по службе. Его партийно-служебная характеристика исполнена в принятых тогда традициях партийно-бюрократического жанра: «Истаев политически развит, принимает активное участие в общественной жизни, качественно и грамотно составляет документы. Имеет перспективу роста».

Перейдем к плану. Он был сформулирован примерно так:

1. Истаев снабжается легендированным удостоверением Трудколонии № 1 ОИТ на имя Мутиева Гали о том, что он осужден за нарушение границы по ст. 84 УК РСФСР на 3 года. Срок наказания отбыл и при освобождении заявил о своем желании вернуться на родину в Западный Китай. С этим удостоверением он является в китайское консульство за национальным паспортом на выезд в Синьцзян.

2. В китайском консульстве в Алма-Ате он расскажет, что в свое время проживал со своими родителями (отцом Мутием, матерью и сестрой) в местности Джергалан под Кульджой. В 1932 году отец умер. Сам он учился у муллы, а позже работал пастухом у разных баев и купцов, помогал матери по хозяйству. Задавшись целью получить хорошее образование, стать полезным человеком для Синьцзяна, он в 1939 году в районе Хоргоса нелегально ушел на советскую территорию, но был схвачен советскими пограничниками, доставлен под конвоем в Джаркент, а оттуда в Алма-Ату, где осужден нарсудом на 3 года. Ныне (в мае с/г) после отбытия срока наказания из-под стражи освобожден. В Советском Союзе никого из родственников и знакомых у него нет, жизнь же, в связи с войной, здесь крайне тяжелая, и поэтому он решил заработать денег на дорогу и во что бы то ни стало вернуться на родину, в Синьцзян.

3. После завершения процедуры с оформлением китайского паспорта и визы китайского консула и ОВИРа на выезд в Синьцзян – он, получив окончательный инструктаж, через Бахты выезжает за кордон.

4. Прибыв в Чугучак, он задерживается там на некоторое время для вручения ему через Зайнуллина синьцзянских денег на расходы, писем и фотокарточек на имя Кугедаевой Кадуван. Затем он добивается получения пропуска на выезд на Алтай, заявляя полиции, что там у него проживает дядя Карим, к которому из Илийского округа перекочевали на жительство мать-вдова и сестра. Точного местожительства своих родственников не знает и должен будет их разыскивать. О том, что мать и сестра перекочевали на Алтай, он узнал от какого-то арбакеша (возчика, от слова арба. – *Авт.*).

5. По получении пропуска из полиции он пробирается в горы Саур, в аул княгини Кугедаевой Кадуван, и приступает там к реализации последующих этапов основного плана.

6. При установлении связи с Кадуван (или ее близкими родственниками в ее отсутствие) он передает им письма и фотокарточки ее сына Далельхана. На словах расскажет, что в 1940 году Далельхан тяжело болел, в силу чего по учебе у него получился большой перерыв и отставание. В настоящее время Далельхан находится в Уральске, продолжая учебу в институте. В связи с войной материальное положение Далельхана несколько ухудшилось, так как жизнь стала дороже, стипендию пока не увеличили.

7. О себе он расскажет:

Отец его Мутий, уроженец Баянаульского района, из рода тюре, бай. До октябрьской революции жил в местности Джамбейты, Уральской области. В 1918 году вместе с семьей бежал в Синьцзян от большевиков и поселился в местности Джергалан. В 1919 году он умер (в пункте 2 плана утверждается, что отец умер в 1932 году! – *Авт.*), мать осталась вдовой. Сам Галий родился в 1918 году в местности Джергалан. В 1926 году мать вместе с ним и сестрой вернулась в СССР. Он поступил в аульную школу в Джамбейты и в 1929 году окончил ее. Затем началось раскулачивание, и мать с дядей Каримом опять нелегально ушла в Синьцзян. Вначале она жила вблизи Кульджи, а в 1938 году поселилась где-то на Алтае.

Он остался у родственников в Джамбейты, но как байский сын был лишен возможности учиться дальше. Только в 1935 году поступил в пединститут в Уральске. В 1939 году окончил его и был назначен учителем в совхозную школу в Джамбейтинском районе, где работал до 1941 года. С началом войны его как сына бая, имеющего к тому же родственников за границей, отстранили от работы. Прибыв в Уральск с целью ходатайствовать о восстановлении на прежней работе, он познакомился с Далельханом.

Они стали встречаться как друзья, и он рассказал Далельхану о своем тяжелом положении и высказал однажды свое намерение во что бы то ни стало уйти в Синьцзян к матери. Далельхан одобрил эту мысль. Вместе с Далельханом они изучили оставшийся от матери неиспользованный китайский пропуск на выезд в СССР (пропуск в свое время не был использован, так как мать возвращалась в СССР нелегально) и решили, что с этим пропуском он обратится к китайскому консулу в Алма-Ате и получит от него китайский паспорт.

8. В его задачу входит:

На основе рекомендательных писем Далельхана устроиться жить в ауле княгини Кадуван, войти в полное ее доверие, склонить ее и ее родственников на свою сторону и на этой базе добиться получения какой-либо разъездной работы в хозяйстве Кугедаевых.

Убедившись в прочности своего положения, Истаев должен постепенно расширить круг личных знакомств с казахскими авторитетами Алтая и, используя близость к Кадуван и ее окружению, получать из первоисточников интересующие чекистов сведения о происходящем на Алтае.

Здесь необходимо пояснить, что Далельхан Кугедаев приехал в СССР учиться в 1936 году и был зачислен в сельхозтехникум в Уральске. В 1937 его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу Японии. В застенках местного НКВД он провел около двух лет.

В 1940 году Далельхан освобожден из-под ареста, но застрял в Уральске: ему не разрешили возвратиться в Синьцзян.

По разработанному чекистами плану Истаев – Мутиев в начале лета 1942 года прибыл в Уральск и здесь при содействии сотрудников местного НКВД «случайно» познакомился с Далельханом Кугедаевым.

После месяца «дружбы» Далельхан поверил Истаеву и снабдил «друга» (на случай возможной поездки в Синьцзян) письмом на имя матери:

«Апа задежан, всей моей родне! Посодействуйте моему товарищу. Окажите ему всяческую помощь, какую оказали бы лично мне. О моей жизни все можно узнать от него. До свидания. Далельхан. 12.VI.42».

Заполучив письмо, Истаев уехал из Уральска и, как было предусмотрено планом, в начале сентября 1942 года посетил китайское консульство в Алма-Ате. О результатах визита он сообщил в рапорте:

«11 сентября 1942 года посетил здание китконсульства (на углу улиц Гоголя и Красноармейской). Охрану здания несут сотрудники милиции, которые помещены в будке у входа в здание консульства. Охрана вооружена наганями.

Установленного порядка для посетителей консульства не имеется. Каждый желающий приема заходит в здание без предъявления пропуска или каких-либо документов, удостоверяющих личность.

Канцелярия консульства состоит из двух комнат: передней для ожидания (приемной) и кабинета самого консула. Прием посетителей производится в передней комнате. Обстановка передней комнаты такова, что ввиду отсутствия в ней каких-либо сидений посетители, как правило, стоят на ногах или сидят. Сам я сидел на полу.

В первом случае, когда я посетил консульство, там в передней комнате находились два неизвестных гражданина (видимо, уйгуры), которые имели на руках паспорта. Неизвестные сидели молча. Только после моего прихода один из них обратился ко мне, пытаясь выяснить цель моего посещения. Я дал понять им, что я китподданный и намерен вернуться на родину. После этого неизвестный раскрыл свой паспорт и показал мне, говоря, что он тоже китподданный.

Через несколько минут из кабинета вышел китаец, поговорил с уйгурами и дал им какой-то документ с китайской печатью и объяснение к нему. В беседе с уйгурами китаец вел себя вполне тактично, не допуская грубостей, и его разговор с уйгурами носил вежливый характер.

После ухода уйгуров китаец обратился ко мне на китайском языке, но ответа с моей стороны не последовало. Тогда он заговорил со мной по-русски. Китаец интересовался: откуда я, где проживал и чем занимался, кто по национальности, не совершал ли преступлений в бытность в Синьцзяне. После моих ответов на вопросы китаец в грубой форме спросил: чего я желаю? Я ответил, что желаю вернуться на родину, и просил его оказать содействие. Китаец сказал, чтоб я принес 8 штук фотокарточек.

В консульство я явился в нищенской одежде. Китаец иронизировал: «Да, вы пришли сюда учиться, а в Синьцзяне не было школ. Оставайтесь здесь, среди сородичей. Ведь здесь Казахстан!»

В начале октября 1942 года Истаев покинул Алма-Ату и через погранпункт Бахты прибыл в город Чугучак.

Зайнуллин – Мирошину. 6 октября 1942 года.

6 октября Истаев прибыл в Чугучак около 4 часов.

*Мирошину Ивану Андрияновичу
от Истаева*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

6 октября 1942 года на китайской машине прибыл из Бахты в город Чугучак. На китайской заставе китайцы формально произвели досмотр. Формально называю потому, что досмотр велся в течение одной минуты без всякой тщательности, не в помещении, а у самой дороги. Затем, после досмотра, меня провели в помещение китайской заставы и заполнили анкеты, куда занесли мою фамилию и имя, место рождения, национальность, когда в каком районе перешел в СССР.

При заполнении анкеты беседу со мной китайцы вели через переводчика-казаха в одежде китайского чирика. Анкета заполнялась с моих слов и мною не подписана.

На заставе оказался начальник Чугучакского уездного управления, китаец (фамилию не знаю), который ехал со мной до Чугучака на одной машине. По прибытии в Чугучак китаец привел меня в уездное управление и поручил какому-то китайцу-чиновнику оформить меня как возвратившегося из СССР китайского гражданина.

Упомянутый чиновник включил меня в список лиц, возвратившихся из СССР, и отобрал китайский паспорт, а затем отпустил 50 фыней на пропитание и поручил одному служащему-казаху устроить меня на ночлег. Последний устроил ночлег у китайца, не владеющего казахским языком.

7 октября утром в 8 часов я явился в уездное управление, где снова получил 50 фыней на пропитание, а затем в сопровождении одного казаха меня направили в окружное управление полиции, где чиновник заполнил какую-то анкету.

7 октября 1942 года.

*Товарищу Мирошину Ивану Андрияновичу
от Истаева*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

После посещения мною полиции 7 октября отношение чиновников значительно изменилось. Они стали строже относиться ко мне и задавать всевозможные неожиданные вопросы, как-то: почему я не помню фамилию того акалакчи (квартильного), в резиденции которого я проживал в местности Джергалан до момента бегства в Советский Союз? Почему нет мозолей на моих руках, поскольку я в течение трех лет был на физической работе и т.д.

Для казахов, работающих в уездном управлении и тех, с которыми мне пришлось сталкиваться и разговаривать, сомнительным является и то обстоятельство, что я не помню название своего рода, откуда происхожу. Они заявляют: «Когда бежали в СССР, вам был двадцать один год. Как же так быстро могли забыть название рода?» – и прочее.

Затем следует указать на неправильность моей экипировки, которая вызывает у китайцев сомнение в правдоподобности моего рассказа о пребывании в заключении. Поскольку 7 октября утром я был выпущен чиновниками уездного управления в город, чтобы разузнать о местопребывании своих родных в настоящее время, то после некоторого хождения по улицам я явился в уездное управление и заявил, что, по рассказам арбакешей, приехавших из Кульджи,

мои родные после моего бегства в СССР перекочевали в 1939 году в Алтай. Однако китайцы на мое заявление и высказанное желание выехать на Алтай не обратили никакого внимания. Напротив, в сопровождении одного казаха (фамилии не знаю) отправили меня в распоряжение казахско-киргизского культурно-просветительного общества, пообещав вопрос о поездке на Алтай решить после.

Сейчас я нахожусь в распоряжении казахско-киргизского культурно-просветительного общества (каждый член общества берет к себе на ночлег на одну ночь). По словам казахов, работающих в обществе, задержка поездки на Алтай вызвана тем, что китайцы запрашивают подтверждение из Кульджи, действительно ли я являюсь уроженцем Кульджи и китайским подданным. В случае неполучения подтверждения из Кульджи в поездке на Алтай может быть отказано.

Китайский полицейский чиновник заявил мне, что ответ на мою просьбу они сообщат через культпросветобщество. Из членов казахско-киргизского культпросветобщества мое внимание привлек Саргужин Рысбек, зав. литотделом, 19 лет, учился в Урумчи на годичных политехкурсах, проживает в Чугучаке. Подозреваю в сотрудничестве с полицией. С первых дней нашего знакомства Саргужин проявил излишнюю по сравнению с другими лицами заинтересованность во мне и с тех пор принимает все меры к тому, чтобы как можно ближе познакомиться со мной: приглашал к себе в кабинет и на квартиру, при встречах угощал табаком, хотя сам некурящий, а табак покупал, чтобы угостить меня.

10 октября.

Зайнуллин – Мирошину. 30 октября 1942 года.

Истаев находится в Чугучаке. В ближайшее время дальше выехать не может. Китайцы отказывают в пропуске на место. Производят проверку по Кульдже. Он попал под подозрение.

Мирошин – Зайнуллину. 31 октября 1942 года.

Передайте Истаеву, чтобы в получении пропуска никакой активности не проявлял, вел бы себя исключительно скромно, избегая подозрительных связей, дабы рассеять всякие подозрения китайцев. Через «Счетчика» осторожно, не расшифровывая нашу заинтересованность в судьбе Истаева, следите за дальнейшими мероприятиями китайцев.

Зайнуллин – Мирошину. 2 ноября 1942 года.

Направляю рапорт Истаева и сообщая, что данные о его недостаточной подготовке к переброске для закордонной работы и недостатки, которые недоучтены, заслуживают внимания. Теперь его положение на некоторое время остается безвыходным. После всего этого я воздерживаюсь помочь ему в подыскании лиц, могущих подтвердить и знающих его как уроженца, ибо это вызовет еще большее подозрение. Считаю необходимым обосноваться ему на некоторое время в Чугучаке, поэтому я рекомендовал устроиться на работу в качестве батрака к какому-либо баю и поработать, пока обстановка не улучшится. За это время он может приобрести связи, могущие впоследствии дать ему рекомендации для получения пропуска. Продолжительное нахождение в качестве бездельника создаст еще более нехорошую обстановку. Письма (от Далельхана к матери) и деньги я

провез через границу, ему еще не вручил. Они находятся у меня. По мере потребности выдаю ему деньги в сумме не более 15–20 долларов.

*Товарищу Мирошину Ивану Андрияновичу
от Истаева*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

11 октября в казахско-киргизское культпросветобщество в Чугучаке зашел чиновник полиции Аитказы (фамилии не знаю), который увел меня в окружное управление полиции для переговоров с чиновником-китайцем Му-кэчжаном. Тот встретил меня во дворе полицейского управления, завел в маленькую комнатку и, закрыв дверь скамейкой, ушел «по своим делам». В этой комнате я просидел в течение трех часов, т. е. с утра до двенадцати. Затем Му-кэчжан явился и стал расспрашивать – когда я прибыл в Чугучак, сколько времени находился в СССР, знаю ли русский язык и т. п.

Му-кэчжан, ведя со мной разговор, удивился, что я, будучи местным жителем, не владею китайским языком, на что я ответил, что не все казахи, живущие в Синьцзяне, владеют китайским языком и что в этом нет ничего удивительного. Что касается знания русского языка, то в продолжение трех лет я находился в СССР в заключении, где повседневно общался с русскими и невольно разговаривал с ними.

Му-кэчжан поинтересовался – что, поездка на Алтай действительно настоятельная необходимость? Я объяснил. Он отпустил меня, заявив, что результаты рассмотрения моего заявления сообщит через казахско-киргизское культпросветобщество.

Бросается в глаза поведение моего хозяина – бухгалтера культпросветобщества Аубакирова Хайруллы – башкир, у которого я живу сейчас на квартире, нахально пристал ко мне, чтобы я подарил ему свой костюм. Я был вынужден уступить ему.

Перед выездом вы меня ориентировали, что Джергалан – захолустное местечко в окрестностях Кульджи. Оказывается, ничего подобного – Джергалан общее название местности, которая из районов Кульджи тянется до границы Тарбагатайского округа.

Мою переброску сюда следовало бы организовать через Май-Капчагай, а не через Бахты, а отбытие срока (наказания) легендировать не в Алма-Ате, а в Семипалатинске или Усть-Каменогорске.

Я целыми днями нахожусь в здании казахско-киргизского культурно-просветительного общества и беседую с посетителями, особенно из числа молодежи.

(Дата не указана).

Зайнуллин – Мирошину. 12 декабря 1942 года.

Сообщаю, что положение Истаева тяжелое. До сих пор не может никуда устроиться, никто не принимает, боясь того, что он прибыл из Советского Союза. Наступают холода. Он разут и раздет. Ничем ему помочь не могу. Появление у него средств или одежды сразу вызовет подозрение окружающих, так как он живет у людей как не имеющий средств к существованию. Да и не может быть у него средств, поскольку нигде не работал.

Китайского паспорта он не имеет и не может иметь, пока не закончится проверка. Проверяют в Кульдже и, видимо, никогда не закончат. В любое время Истаев может простудиться и заболеть. Связь с ним у меня затруднена.

Прошу Ваших указаний, как поступить с ним.

Мирошин – Зайнуллину. 26 декабря 1942 года.

Истаев отошел от данной ему легенды и осложнил свое положение. По легенде он родился в 1918 году в Джергалане, около Кульджи. Отец китподданный, умер в 1919 году там же. В 1926 году, 8-летним (а не 21 года) мальчиком мать увезла его в Союз, отсюда он не знает, кто был в Джергалане аксакалом. В 1929 году на почве раскулачивания мать бежала в Синьцзян, а он, оставшись в Джамбейты у дальних родственников, продолжал учебу. В 1935–1939 годах в педтехникуме в Уральске. В 1939 году работал учителем в Джамбейты. С начала войны уволен с работы как человек синьцзянского происхождения. На этом основании он получил китайский паспорт и выехал в Чугучак.

Истаев должен идти в полицию и доказывать, что в СССР он преследовался, был лишен работы, постоянно была атмосфера недоверия, и поэтому он недоволен властью большевиков. Его родина Синьцзян. Указывая на тяжелое материальное положение, он должен назойливо просить у полиции денежной помощи и разрешения устроиться где-либо на работу. Истаев должен стойко выдержать испытание, в которое он поставил себя своей ошибкой, решительно убедить китвласти и окружающих, что он – несчастный человек, пострадавший от соввласти. Пусть он энергично добивается сострадания и покровительства окружающих. О выезде на Алтай до нашего особого указания вопрос не формировать.

*Товарищу Мирошину Ивану Андреевичу
от Истаева*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Я никакой ошибки за собой не признаю и настоятельно утверждаю, что с первых дней пребывания в Синьцзяне действовал и действую именно по плану, как я был ориентирован Вами перед выездом.

Тот, о котором Вы пишете, был признан еще там непригодным, и потому я не мог действовать по тому варианту. Но поскольку Вы считаете, что я уклонился от плана, вынужден сказать, что фактически Ваше подразделение не имеет единого плана переброски меня сюда.

В этом Вы можете убедиться без моей ненужной писанины.

С целью устроиться на работу я посетил ряд чугучакских крупных баев, в частности Ахильжана – крупного местного купца, Абита-хаджи – председателя уйгурского культурно-просветительного общества, Мину – председателя татарского культурно-просветительного общества (ныне арестован китайцами), Битнияз – крупного чугучакского бая, Махсума-ажи-кари – шанзуна. Тогда же обратился в Лумичжан, завхоз которого Тойкин Шаяхмет сочувствует мне. Он упросил принять меня в подхоз агрозоветпункта, расположенный в местности Буздак, в 23 км от Чугучака. При устройстве на работу сюда Тойкин уговорил зав. подхоза Ришата дать согласие на мой прием до весны 1943 года.

Условия жизни в Буздаке и мое положение чернорабочего не дают возможности внедриться в среду казахских авторитетов. Кроме того, большая часть моих новых знакомых относится ко мне с недоверием.

4 января 1943 года.

Как видим, операцию «Мутиев» провалили те, кто ее разрабатывал: с первых шагов главный исполнитель Истаев попал под подозрение, потому что люди готовившие его к работе за кордоном, в первую очередь «товарищ Мирошин Иван Андриянович», не вникли в элементарные детали местной обстановки, неправильно ориентировали агента и обрекли на разоблачение. Когда это стало ясно, тот же «товарищ» направил свои усилия не на спасение разведчика, а на то, чтобы отвести от себя угрозу наказания: почти половина его послания посвящена попытке переложить вину на Истаева – он будто бы самовольно изменил утвержденную легенду. Вполне естественно раздражение в ответе Истаева – он понял, что его подставили, и осознал, что помощи не будет. Представьте состояние человека, ощутившего себя в защелкнувшейся ловушке. Он вспомнил о семье, о родителях, мысленно прощаясь с ними...

«Здравствуйте, дорогая моя Нафиса! В силу ряда объективных причин, не зависящих от моего желания и стремления, на твое письмо отвечаю с большим опозданием..

Пару слов о своем положении. На заводе устроился хорошо и крайне доволен заботой, проявленной ко мне со стороны руководства завода. Оно обеспечило меня хорошо освещенной и оборудованной квартирой, постельными принадлежностями и др. необходимым. Работа на заводе вполне устраивает меня.

Обо мне не беспокойся. Пиши, как ты сама поживаешь? Получаешь ли письма от родителей? Как они поживают? На этот раз, как и всегда, приходится писать коротко, т. к. тороплюсь на работу, временем не располагаю, перегружен работой.

Всего наилучшего желаю тебе!

С крепким поцелуем твой Галий».

Зайнуллин – Мирошину. 9 апреля 1943 года.

Истаев имеет возможность раздобыть поручительство от знакомых ему лиц, по которому может получить пропуск на Алтай. Кроме того, он беспокоится о семье, что не имеет о них никаких известий с момента выезда. Из разговоров можно понять, что он недоволен своим неопределенным положением: якобы его забросили на произвол судьбы, никакую заботу о нем никто не проявляет, с момента его пребывания в Чугучаке никаких указаний ему не поступило, и он не знает, что делать. Самостоятельно добиться выезда не решается, ибо его могут обвинить в неправильных действиях, так как предупрежден не принимать никаких мер до особого распоряжения.

Для поддержания духа прошу сообщить состояние его семьи.

Мирошин – Зайнуллину. 23 апреля 1943 года.

Поскольку обстановка Истаеву благоприятствует и позволяет приступить к дальнейшей реализации задания, поручите ему, во-первых, заняться получением в полиции пропуска на выезд в Шарасуме. Для этого использовать поручателей. К подкупу чиновника отдела пропусков можно прибегнуть только при наличии

уверенности в том, что он не затеет против Истаева дела взяточдателя. Во-вторых, после получения пропуска он должен выехать в Шарасуме, осесть там, на первых порах устроиться учителем в казахскую школу, включиться в городе в общественную жизнь, начинать завязывать широкие связи с казахскими авторитетами и интеллигенцией, политическими и общественными деятелями, войти в состав Гоминьдана, если будет открыт путь туда казахам. В-третьих, в Шарасуме он должен связаться с Абузаровым.

Сообщите: его жена выехала к родителям, пособие получает регулярно, все в порядке.

Мирошин – Зайнуллину. 5 мая 1943 года.

Истаев должен следовать в Шарасуме. По прибытии на место не спешить устанавливать связи с Абузаровым. Внимательно проследить – не ведут ли китайцы наблюдение за ним. Лишь после этого приступить к изучению подхода к межнациональному клубу. Возможно, путем переправы через Кран вброд.

Мирошин – Абузарову. 6 мая 1943 года.

6 мая Истаев выбыл в Шарасуме. Поскольку Вы не сообщили условия, при которых он смог бы с Вами встретиться, ему дано задание: по приезде в Шарасуме изучить наиболее выгодное время и подходы к противоположной от консульства части недостроенного межнационального клуба, после чего Вам сообщить день и час явки: там началом будет служить дробное число, которое он напишет на перилах моста, имеющегося около геологической экспедиции. Числитель будет означать число месяца, знаменатель – часы явки. Установить осторожное наблюдение за появлением этого сигнала на мосту. Подготовиться к конспиративному выходу из консульства в указанный клуб. Пароль при встрече: «Вы каменщик?» Ответ: «Нет – крестьянин». Условьтесь с ним о следующей явке, избрав новое, более удобное место. Получите от него доклад о его оседании, проделанной работе.

Абузаров – Мирошину. 19 июня 1943 года.

Истаев прибыл в Шарасуме 17 июня. Я имел с ним встречу. Пока на работу не устроился. Нуждается в деньгах. Условились встретиться 20 июня.

*Товарищу Мирошину Ивану Андреевичу
от Истаева*

4 мая 1943 года при поручительстве квартального (байчжана) Джоласжана и чернорабочего агрозоветпункта Низкена получил в полиции Чугучака пропуск на выезд на Алтай. Перед этим заполнил специальную анкету (на китайском языке).

6 мая, получив пропуск, выехал в Шарасуме. Хотя расстояние до него 600 км, я этот путь преодолел за 22 суток, вместе с арбаками. Доехал с ними до Саурских гор. Дальше на автомашине, видимо, она принадлежит советской геоэкспедиции (шофер русский). С машины сошел, не доезжая до здания геологической экспедиции и в городе появился один, пешком. По установленному порядку каждое новое лицо, вновь прибывшее из других уездов или округов, в тот же день должно явиться в полицию и сдать проездной билет, что мною и было сделано.

После сдачи пропуска я был принят под наружное наблюдение, которое вели сотрудники полиции. Они открыто следовали за мной по городу. Их было двое, причем один – в военной форме.

28 мая, в день приезда, я остановился в заезжем доме, хозяином которого является Ошур-ажи. Наблюдавшие за мной полицейские до наступления темноты околачивались у ворот Ошура-ажи. Они же днем сопровождали меня до бани.

31 мая с целью разведать возможный подход к недостроенному зданию межнационального клуба со стороны горы я направился на окраину города, но вернулся обратно, так как за мной был «хвост».

В первые дни пребывания в Шарасуме крайнюю трудность представлял приют (пристанище), так как Ошур-ажи предложил покинуть его двор. В данное время живу у мелкого торговца Карина Аbugалия.

31 мая, после моего вселения к Карину, один из наблюдавших за мной полицейских зашел к его жене и спросил: где хозяин? Таким образом полиция в течение первой недели вела за мной наблюдение. В настоящее время наблюдения за собой не чувствую. На работу не устроился. Школа распускается на каникулы. Имею намерение устроиться на работу в редакции.

Абузаров – Мирошину. 20 июля 1943 года

Истаев проживает в Шарасуме. Очередная явка состоится 25 июля. Он сообщил, что его приглашают работать в редакции. Пока ничего не ответил, так как приглашавший его работник редакции – казах – является подозрительным на связь с полицией, во-вторых, полиция там имеет своих доносчиков и ведет активное наблюдение за редакцией. Как Вам известно, полицией арестован работавший там Тугусов Мусульманбек и др. Поступив на работу в редакцию, Истаев может оказаться в поле активного наблюдения полиции.

Мирошин – Абузарову. 30 июля 1943 года.

Предложите Истаеву принять предложение работать в редакции, использовать это положение для расширения необходимых ему связей. О доносчиках полиции ориентируйте Истаева, напомнив о необходимости относиться к ним в соответствии с данными ему указаниями.

Мирошин – Абузарову. 6 августа 1943 года.

Истаеву разъясните, что он, видимо, находится в стадии проверки его полицией, поэтому выдвигаться на такие должности, как секретарь губернаторства или уездного начальника ему не следует. Сейчас лучше показать себя неспособным занять эти должности, остаться в тени, стараться закрепиться на жительство в Шарасуме, избежать отъезда в Булунтохой, ссылаясь на непригодность к жизни в ауле и боязнь казахских банд. Истаеву следует принять предложение работать в редакции, если оно будет повторено. Лучше с помощью городских казахских авторитетов устроиться на работу в отдел просвещения, школу или заняться мелкой торговлей. В ближайшее время направим ему связника.

Абузаров – Мирошину. 19 августа 1943 года.

Истаеву передал Ваше указание. Он сообщил, что с 4 августа полиция ведет за ним усиленное наблюдение, в связи с чем опасается приходить на явки. Просил ускорить направление ему связника. Сейчас болеет, нуждается в деньгах.

Мирошину Ивану Андрияновичу от Истаева

В Синьцзяне я нахожусь более года. За это время практически ничего не делал и никакой практической помощи с Вашей стороны не имел. Откровенно говоря, начиная с конца августа, потерял связь со своими. В течение прошедших месяцев находился на положении настоящего нищего в полном смысле слова. Не имел ни материальной, ни оперативной поддержки. Продолжать связь со своими на Алтае в данной обстановке ни в коем случае нельзя. Прошу ориентировать меня, как я должен приступить к работе.

18 декабря 1943 года.

Абузаров – Мирошину. 23 января 1944 года.

Истаев работает в стройконторе в Шарасуме. При случайной встрече передал – живет плохо. Не имея от Вас указаний, воздерживаюсь от встреч. Попытаемся передать ему небольшую сумму денег.

Мирошин – Абузарову. 1 февраля 1944 года.

Встреча наших официальных работников с Истаевым нежелательна и опасна. Просим с особой осторожностью организовать ему передачу денег.

Евсеев – Фитину и Мирошину. 4 февраля 1944 года.

Истаев длительное время находится вне связи, не ориентирован об обстановке на Алтае, нуждается в материальной поддержке. Прошу разрешить Абузарову встретиться с ним с соблюдением максимальной осторожности.

Мирошин – Евсееву и Абузарову. 8 февраля 1944 года

Согласны с Вашим предложением о встрече с Истаевым Абузарова. Требуется максимальная осторожность, чтобы не провалить его.

Абузаров – Мирошину. 17 апреля 1944 года.

Согласно нашей договоренности с Истаевым он должен по средам и воскресеньям в определенное время появляться на базаре, чтобы мы знали о его благополучном нахождении в городе. Одновременно на случай крайней необходимости (на случай угрозы ареста) дал пароль для связи с Мамырбековым Жакупом. Примерно более месяца Истаев не появлялся, а также не приходил к Мамырбекову. Принимаю меры по установлению его местонахождения.

Абузаров – Мирошину. 19 апреля 1944 года.

Начиная со второй половины сентября 1943 года обстановка на Алтае осложнилась. В округе, особенно в Шарасуме, было введено чрезвычайное положение. Обстановка не позволяла мне часто встречаться с Истаевым – это могло привести к провалу. По этой же причине, а также ввиду нахождения Истаева в длительных командировках в аулах, в течение двух с половиной месяцев он с нами не встречался. За этот период времени мы неоднократно устанавливали его в городе и при встречах делали попытки завязать связи, но он избегал этого. Видимо, ввиду создавшейся чрезвычайной обстановки боялся провала.

В начале декабря 1943 года Истаеву вручили присланные деньги в сумме 1100 синьцзянских долларов и 18 декабря организовали личную встречу. При встрече Истаев был в подавленном состоянии. Рассказывая о себе, сообщил, что в последнее время, находясь в крайне тяжелом положении, был намерен покончить жизнь самоубийством. Ему разъяснили, что Алма-Ата все время интересуется им и принимает меры к установлению нелегальной связи, но задерживается в силу чрезвычайной обстановки. На всякий случай дал ему пароль для связи с Мамырбековым Жакупом.

Евсеев – Мирошину. 13 июня 1944 года.

По сообщению Абузарова Истаев более месяца не появлялся. Есть подозрение, что Истаев арестован при участии сотрудника полиции Булгунова Рахимжана, который разоблачен нами как провокатор.

Евсеев – Мирошину. 17 июля 1944 года.

По сообщению Абузарова, Булгунов – двурушник. Не исключена возможность, что Истаев находился под активным наблюдением полиции, которая сейчас через Булгунова пытается прощупать нашу заинтересованность в нем. Если данные Булгунова об аресте Истаева правдоподобны, то под сильным давлением Истаев может не устоять, так как при последней встрече настроение его было исключительно отрицательное.

Справка: Приказом МГБ СССР № 1447 от 31 августа 1944 года Истаеву было присвоено воинское звание «капитан». В аттестате Мирошин написал: «За время работы в тяжелых условиях подполья Истаев показал себя стойким, выносливым и выдержанным работником».

Воцинский – Мирошину. 6 января 1946 года.

По данным доверенного Айгозина Каби, с 25 апреля 1944 года в Шарасуминской тюрьме находился подследственный по имени Гали, арестованный по подозрению в причастности к агентуре советской разведки. В апреле 1945 года Гали умер в тюрьме. Два дня Гали сидел в одной камере с Айгозиным.

Абузаров – Мирошину. 20 февраля 1946 года.

По нашим данным, арестованный полицией в 1944 году казах по имени Гали не является Истаевым. Он тяжело заболел и умер. Истаев был по инициативе начальника отделения контрразведки Фу-кэчжана и Булгунова расстрелян.

Фино МГБ СССР – Мирошину. 15 марта 1946 года.

Фино сообщает, что в связи с тем, что Истаев в штате иностранного отдела МГБ СССР не состоял, назначить пенсию его семье оснований нет.

Фитин – Володину. 10 апреля 1946 года.

Истаев в действующем резерве Отдела кадров МГБ СССР не состоит, так как от вас соответствующих документов об оформлении его в резерв в Отдел кадров МГБ СССР не поступало.

СПРАВКА

*сотрудника иностранного отдела МГБ КССР
капитана Михайлова*

Жена Галия (Шукургалиева Нафиса, брак с ней не оформлен) единственный претендент, но она трудоспособна. Других родственников у него нет. Поэтому вопрос о пенсии перед МГБ СССР решено не поднимать.

15 мая 1946 года.

*Товарищу Мирошину
от Шукургалиевой Нафисы*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Возможно, мне пенсия не положена. Тогда пусть назначат пенсию его матери.

19 октября 1946 года.

СПРАВКА

*начальника иностранного отделения КГБ
при СМ КССР Денисенко*

В беседе с быв. вице-консулом СССР в г. Шарасуме Абузаровым на замечание: нельзя ли было спасти Истаева? – он заявил, что они организовали Истаеву побег, однако Истаев, видимо, настолько ослаб, что не рассчитывал на свои силы, остался на месте, в то время как его сокамерники сбежали.

«Мы все же сделали большое дело для Истаева!» – заявил Абузаров и сообщил, что, как только «стало известно о смерти Истаева, мы добились через губернатора выдачи его тела и похоронили его по всем правилам».

В процессе беседы Абузаров не особенно охотно поддерживал разговор об Истаеве и старался переключиться на обсуждение других тем. Чувствуется, что разговор об Истаеве в какой-то степени его беспокоит.

После беседы с Абузаровым у меня сложилось твердое мнение, что об Истаеве он говорил неправду, лгал.

25 декабря 1959 года.

Итак, жизнь разведчика Истаева трагично оборвалась. Это произошло, как теперь установлено, 25 апреля 1944 года. В его мученической смерти виновны руководители советской разведки, проявившие (или продемонстрировавшие?) преступную халатность, некомпетентность, пренебрежение элементарными требованиями подготовки агента к выполнению ответственных и опасных заданий.

Можно бы и еще кое-что добавить о черстве равнодушии начальников и некоторых коллег Истаева по отношению к своему товарищу и его семье, но пусть судит об этом читатель. Мы же попытаемся рассказать о последних днях жизни разведчика.

Весной 1944 года в общую камеру Шарасуминской тюрьмы ввели узника – обессиленного, оборванного, с кровоточащими ранами и ссадинами на теле. Похоже, не жилец на белом свете, подумали сокамерники. И он сам, кажется, понимал безысходность своего положения. Был молчалив, замкнут, предельно осторожен, видимо, опасался «подсадных уток». На допросы его не вызывали.

Как-то случилось, что в камере оказались вдвоем тот узник и Гимран, которого только что втолкнули после допроса сильно избитым. Последнее обстоятельство, наверное, укрепило узника во мнении, что его сокамерник не полицейский шпик, а честный человек, противник гоминьдановского режима. Гимран Имангожин (по прозвищу Кали) и в самом деле оказался таковым.

Узник, собравшись с силами, рассказал новому другу о себе, в надежде, что Гимран доведет его рассказ до советских представителей.

Он назвался Истаевым Гали, казахом из Уральской области, засланным в Алтайский округ Синьцзяна для негласной разведывательной работы. Ему рекомендовали выдавать себя за выходца из местности Джергалан, что под городом Кульджой, но при этом не объяснили, что это за местность, какие люди там живут, чем занимаются, кто ими управляет. И по одежде он не походил на выходца из местных. Вдобавок ко всему не знал он ни местных обычаев, ни порядков и не понимал ни одного китайского слова. Естественно, что гоминьдановцы с первых же дней его пребывания в Синьцзяне заподозрили неладное, и китайская контрразведка взяла Истаева под неусыпное наблюдение, которое продолжалось почти полтора года. Свои же будто забыли, оставили без моральной и материальной поддержки. Возникли проблемы с трудоустройством.

Летом прошлого года один уйгур, Турдахун, пригласил его в свою артель строителей. Артель – несколько кульджинских уйгуров и казахов – строила казармы в алтайском уездном городке Бурлутогай (Булунтохой). До этого Турдахун работал в советской геоэкспедиции в Коктогае. Но экспедиция свернула свою деятельность и выехала в СССР. С нею вместе уехали на постоянное жительство туда несколько местных рабочих. Турдахун из-за приступа малярии не смог к ним присоединиться, о чем глубоко сожалел. Он мечтал любыми путями попасть в Советский Союз. Истаеву, как разведчику, возможно, не следовало сближаться с Турдахуном, который не скрывал своего намерения бежать в СССР и потому мог находиться в поле зрения гоминьдановских спецслужб. Но крайняя нужда вынудила его вступить в артель.

Во время работы артельщики вели нескончаемые разговоры о своих благословенных родных краях. Истаев многое узнал о Кульдже, ее окрестностях, о жителях, авторитетных людях, о тамошних представителях местной власти. К тому же, за год с небольшим научился кое-как объясняться по-китайски.

Зимой Турдахун распустил артель и объявил, что уезжает в Кульджу. На самом деле он попытался уйти нелегально в СССР, но был задержан. Началось следствие, к которому привлекли артельщиков, в том числе и Истаева, по обвинению в доносительстве.

Следствие шло в бурлутогайской тюрьме, вел его чиновник полиции Ли Шицзи. Истаев после летнего общения с артельщиками держался уверенно, ему казалось, что главная опасность миновала, провинность невелика и его вот-вот освободят.

Но произошло непредвиденное.

Однажды его ввели в кабинет следователя, и вместо Ли Шицзи он увидел за столом... – даже глазам не поверил! – Далельхана Кугедаева. Того самого, бывшего студента Уральского зооветтехникума! Того Далельхана, которого органы НКВД арестовали как японского шпиона, а затем выпустили из тюрьмы. Далельхана, с которым Истаев по специально разработанному плану «дружил»

в Уральске, у которого выпросил рекомендательное письмо к матери – княгине Кадуван...

Этот «друг» восседал в форме подполковника гоминьдановской полиции и жаждал начать допрос. Теперь версия, будто Истаев кульджинский выходец, выглядела по меньшей мере смешно.

Далельхан начал с утверждения: ты советский агент, заслан на Алтай для ведения подрывной работы. И предложил: как старые знакомые давай договоримся – мы тебя выпускаем, ты устанавливаешь связь с советским консульством и о полученных оттуда поручениях информируешь нас.

Истаев ответил, что перебежал в Синьцзян, спасаясь от призыва в армию и отправки на фронт. Ему предъявили фотографию, где была зафиксирована его встреча с советским вице-консулом. Отрицать, что он разведчик, стало бессмысленно, но Истаев стоял на своем и сотрудничать с полицией категорически отказался. Его перевезли в окружную тюрьму Шарасуме и бросили в темный карцер. Затем подвергли жестоким пыткам, требуя рассказать о разведывательной деятельности советских органов безопасности. Утверждение Истаева, что он простой учитель и такими сведениями не располагает, во внимание не принималось.

Не добившись успеха, следователи перевели измученного, истощенного голодом и холодом узника в общую камеру. В апреле Истаева ночью вывели из камеры, и с тех пор Гимран его ни разу не видел.

Осенью 1945 года гоминьдановцы были изгнаны из Алтая. Выйдя из тюрьмы, Гимран посетил советское консульство и рассказал об исповеди Истаева. Однако его рассказу там не придали особого значения...

Возникает недоуменный вопрос: как могло случиться, что руководители советских разведорганов в Москве и Алма-Ате сначала свели Истаева с Далельханом Кугедаевым в Уральске, а затем выпустили Далельхана в Синьцзян, где «друзья» неизбежно должны были встретиться? И они встретились – один в роли узника, а второй в роли истязателя-мстителя. Почему было принято столь пагубное для жизни своего разведчика решение?

В 1937 году иностранный студент Уральского зооветтехникума Далельхан Кугедаев был арестован местным НКВД по подозрению в шпионаже в пользу Японии и провел в тюрьме довольно долгое время. В 1940 году его выпустили, но вернуться в Синьцзян не разрешили. В те годы советская разведка хозяйничала в Синьцзяне будто у себя дома, и там тоже шэншицаевские службы бросили в тюрьмы как японских шпионов многих людей, в том числе и князя Алень-вана Кугедаева – отца Далельхана. Поэтому и с сыном не особенно церемонились в Уральске. После освобождения из тюрьмы бывшего студента пристроили на работу при стадионе «Динамо».

Зимой 1941-42 года Алень-ван по приказу Шэн Шица был освобожден из тюрьмы. Мать Далельхана, княгиня Кадуван, выдала гоминьдановцам руководителей готовившегося антигоминьдановского восстания казахов и за это была обласкана властями и назначена губернатором столичного, Урумчинского округа. Как представитель местной власти она стала общаться с должностными лицами советского генерального консульства. Женщина напористая, она при каждой встрече донимала их требованиями вернуть домой сына. Теперь все, кто сочувствовал Советскому Союзу, подвергались арестам и гонениям. Работа советских консульств была затруднена. Неоднократные требования княгини могли привести

к дипломатическим осложнениям. Поэтому советские правительственные органы разрешили Далельхану Кугедаеву вернуться в родные пенаты, отобрав у него подписку о неразглашении сведений о пребывании в тюрьме. Возвратившись в Синьцзян, Далельхан по протекции матери получил офицерское звание и должность начальника оперативного отдела алтайской полиции.

Согласившись выпустить Далельхана на родину, руководители советской разведки поставили под удар своего агента, Истаева Гали. Надо полагать, к тому времени они списали его как безнадежно потерянного для себя разведчика. Небрежно подготовив операцию, они обрекли на провал умного, стойкого, мужественного человека, сохранившего в тяжелейших испытаниях верность долгу и светлым идеалам, которые являются неотъемлемой чертой личности, достойной нашего искреннего уважения.

В памяти большинства коллег имя Истаева не было забыто. В 1977 году в Алма-Ате вышел сборник «Не жалея жизни». В нем помещен портрет Гали Истаева и сказаны такие слова: «Старший оперуполномоченный Наркомата госбезопасности Казахской ССР Гали Истаев – человек исключительной выдержки и большой силы воли – героически погиб 25 апреля 1945 года при выполнении специального задания Родины».

ЛИАНА

В первых двух частях книги «Произвол судьбы» мы рассказали о советском проникновении в Синьцзян в 20–40-х годах прошлого века и о провале заброшенного туда в сороковые годы разведчика Истаева. Те, кто не подготовил его к работе должным образом, сумели уйти от ответственности за свою некомпетентность. В предлагаемой документальной повести «Лиана», помимо уже известных нам П. М. Фитина, Н. К. Богданова, И. А. Мирошина и П. Г. Евсеева, в организации заброски в Синьцзян новых агентов и руководстве их действиями принимали участие:

Ланфанг – заместитель П. М. Фитина,

Шибает – начальник Синьцзянского отдела Первого управления НКГБ СССР,

Степанов В. А. – вице-консул СССР в Кульдже,

Михайлов – начальник оперпункта НКГБ в Хоргосе,

Айдаров Рашид – связник резидентуры советской разведки в Кульдже.

Наркому госбезопасности Казахской ССР

генерал-майору тов. Богданову Н. К.

РАПОРТ

Первое управление НКГБ СССР своим № 6500 от 15 апреля 1943 года санкционировало вывод в Синьцзян Головина, но рекомендовало предварительно женить его на нашем агенте.

Для этой цели нами подобрана студентка Алма-атинского мединститута Романова Эмилия Афанасьевна.

Прошу санкционировать вербовку Романовой.

Начальник 1-го отдела НКГБ КазССР полковник Мирошин.

25 апреля 1943 года.

Справка: Незадолго до этого студентка медицинского института Э. А. Романова написала в райвоенкомат заявление с просьбой направить ее после окончания института на фронт. Это заявление попало в руки сотрудников первого отдела НКГБ, которые завербовали ее, дав псевдоним «Лиана».

ЗАДАНИЕ

закордонному агенту «Лиана»

Вы командируетесь нами в Синьцзян для нелегальной работы с постоянным местом проживания в Кульдже.

Свое появление в Синьцзяне Вы должны объяснить следующим образом:

Будучи студенткой последнего курса мединститута, Вы познакомились с Сун Цайляном, проживавшим в Алма-Ате по соседству. Часто встречались с ним. В беседах он рассказывал о Китае, о том, что врач может хорошо устроиться в Китае и хорошо жить.

В связи с тем, что после окончания института Вы должны были поехать на фронт для работы в армии, а Вам не хотелось попасть на фронт, – Вы заинтересовались предложением Суна, который, ухаживая за Вами, старался склонить Вас уехать в Китай. Он уговорил Вас сходить в китконсульство, где Вам посоветовали оформить брак официально и подать заявление о выходе из советского гражданства, что Вы и сделали. Через пять месяцев был разрешен выход из советского гражданства, и Вы, получив китайское подданство, выехали в Синьцзян.

Основным Вашим назначением как нашего сотрудника будет являться обеспечение прикрытия разведывательной работы «мужа». Для этого Вы должны заняться частной медицинской практикой в Кульдже, арендовать удобное здание.

Ваш «муж» формально будет находиться на Вашем иждивении и заниматься свободным трудом.

Кроме того Вы должны будете помогать «мужу» в разведывательной работе по установлению связи и в переписке с Разведцентром.

В целях конспирации Вы не должны давать повода окружающим насчет того, что Ваше «супружество» с Суном является фиктивным. Шифропереписка с Центром будет лежать целиком на Вас. Зашифрованный текст будете передавать нашему связнику.

С заданием ознакомилась и приняла к исполнению -

Романова – «Лиана».

15 августа 1943 года.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Романова Эмилия Афанасьевна, 1919 года рождения, уроженка города Семипалатинска, русская, член ВЛКСМ.

1928–1935 гг. – школьница. Семипалатинск.

1935–1938 гг. – студентка фармацевтической школы. Семипалатинск.

1939–1943 гг. – студентка мединститута. Алма-Ата.

Отец – Романов Афанасий Георгиевич, пенсионер. Семипалатинск.

Мать – Романова Елизавета Васильевна, домохозяйка. Семипалатинск.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Головин Алексей Петрович – Сун Цайлян, 1901 года рождения, уроженец провинции Аньхой, китаец, служащий, образование КУТВ и КУТК. Владеет китайским, русским и разговорным английским, по специальности ткач, работник политпросвета.

Партийность – член Компартии Китая с 1926 года, в 1931 г. переведен в ВКП(б).

С июня 1938 по июль 1939 г. находился под следствием в УНКВД Ленинградской области.

Семейное положение – женат. Жена – Морозкина Мария Петровна, сын 12 лет (1931 г. р.) – проживают в Москве.

В настоящее время проживает в г. Гурьеве и работает директором краеведческого музея.

Степанов – Богданову. 6 сентября 1943 года.

17 августа в Кульджу прибыли Головин Алексей Петрович и Романова. Связаны с Айдаровым. Вскоре после этого Романова сообщила Айдарову, что с прибытием сюда Головин резко изменился. По нашему заданию Романова здесь должна была открыть частную медицинскую практику. Головин под этим прикрытием развернуть работу. Вместо этого Головин начал требовать от Романовой, чтобы она жила обычной жизнью местных женщин, склонять ее к отъезду в Центральный Китай, обещая ей там хорошую жизнь. Ночами не спит, заявляя, что обдумывает какие-то планы, в которые Романову не посвящает.

31 августа Романова передала Айдарову записку, в которой сообщила, что 30 августа Головина вызывали в полицию губернаторства, где представитель центрального правительства расспрашивал его о жизни в СССР, размещении военных заводов. Головин будто ответил, что военные объекты размещены главным образом на Урале. Он рассказал Романовой, что в Кульдже есть люди, которые знают его, Головина, как работавшего в партийных организациях Ленинграда. Плачет.

Романова говорит, что она Головину совершенно не верит, что ее жизнь – невыносима, она не хочет быть его женой, просит выручить ее во что бы то ни стало. Мне поступает информация, что здесь появился один с русской женой, которого часто вызывают в губернаторство, и будто Головин рассказывает, что в СССР – голод, большинство детей умирают, колхозов и совхозов почти нет. 3 сентября Головин должен был встретиться с Айдаровым.

Богданов – Степанову. 10 сентября 1943 года.

Головин 17 августа выехал в Кульджу по нашему заданию, чтобы развернуть среди китайцев разведывательную работу, в последующей стадии активную политическую работу в нашу пользу. Головин имеет спецподготовку по линии Коминтерна, участвовал в партизанском движении в Восточном Китае; он член партии, политически хорошо подготовлен. Романова – жена Головина, но колебавшаяся в Алма-Ате перед лицом подруг вступить в фактическое сожительство с Головиным.

Степанов – Фитину. 25 сентября 1943 года.

24 сентября Романова через местного совгражданина прислала письмо. В письме заявляет, что она никогда не давала согласия жить с Головиным и ни за что

на это не пойдет. За месяц она так много от него перетерпела, что его ненавидит. Головин все время пристает к ней, ночью разыгрываются драмы, которые слышат соседи. 25 сентября Головин должен был встретиться с Айдаровым, но не пришел.

Однажды Головин на улице при встрече с Айдаровым начал громко кричать: «К черту такую работу!» – бросил на дорогу донесения, написанные под его диктовку Романовой. Потом эти листки собрала Романова, она пошла домой, а он ходил где-то целый час. На вопрос Романовой – где донесения? – он ответил что сжег, хотя спичек у него не было. В своем письме Романова пишет, что Головин ей угрожает полицией. В другом месте она пишет, что Головин заявляет: «По китайскому закону муж может посадить в тюрьму свою жену или отдать в публичный дом». Возможно, угроза полицией направлена на склонение к сожительству. Подчеркивая неоднократно эти обстоятельства, Романова просит ее выручить. Считаем, что положение с Головиным и Романовой явно ненормальное. Их обоих или одну Романову нужно отозвать в СССР.

Первое письмо Романовой Мирошину

Иван Александрович Мирошин!

Я никогда не допущу мысли, что Рашид может говорить Вашими словами, а потому пишу это письмо. Мы должны выяснить все как можно раньше.

Помните, когда я пришла к Вам первый раз, то сказала сразу, что поеду, но не на правах жены. Вы уверили, что наше супружество будет фиктивным, что он дал партийное слово не притеснять меня к сожительству. За него ручались и Вы. А Ваш авторитет и звание для меня что-то все же стоили. Я верила Вам, как отцу, как и своей родине, а потому почти спокойно шла на это дело.

Однажды я, колеблясь, спросила: не может ли случиться так, что здесь он дает слово, а потом почувствует, что я совершенно одна, и будет требовать своего.

Вы мне ведь сказали:

– Эмилия, если мы вас посылаем, то не просто выкидываем за борт на произвол; вы будете в самом близком контакте с нами. Если же ваши отношения станут невыносимы – телеграфируйте, мы вас сразу же заберем. Это я вам обещаю.

Может, Вы помните, как говорили, что я смогу отсюда уехать и это нетрудно, для этого есть три пути. Условие о том, что наши отношения должны быть фиктивными, ведь было записано в моем задании.

О, неужели тот документ был ложным? Не хочу верить, как ни стараюсь не верить, что так горько обманута.

На что же все-таки рассчитывали, когда нас посылали? Я дала слово, что смогу работать, если наши отношения дальше интересов работы не пойдут.

Разве это не так? Разве хоть один человек может заподозрить, что мы не настоящие муж и жена? Разве я к нему относилась не так, как подобает? Почему он не рассчитывал на свои силы? Ну, я понимаю, тяжело прожить два года, год. Но Вы представляете, когда в первые же дни пришлось мне мыться в одном номере бани с совершенно чужим мужчиной, с которым я даже там не могла встречаться ради конспирации.

А дальше, чем больше я с ним живу, тем невыносимее. За пережитый здесь месяц у меня не осталось целым ни одного нерва, ведь каждую ночь ужасные скандалы. Если раньше я уважала его как товарища, как человека партии, то теперь я с каждым днем ненавижу его все больше и больше.

Он сказал мне, что был влюблен в меня еще там, но не смог осуществить свои замыслы, и вот он все силы приложил, чтобы привезти меня сюда и заставить жить с ним. Если рассчитывал на это, то глубоко ошибся. Здесь, когда я ближе узнала его, это сожительство кажется мне еще гаже, еще ниже. Дело не в национальности – китаец, русский, мусульманин, – все могут жить одной семьей. Рассчитывала и я дружно работать с Головиным. Но представьте себе, что можно быть преданным человеком, прекрасным работником, но невозможным мужем. Злее, ниже, противнее я не встречала. Он ревнует совершенно без всяких оснований и к каждому человеку. Он заводит знакомства, и у нас бывает много молодежи, а потом он устраивает скандалы, говорит, вот, они ходят из-за тебя, они интересуются тобою.

Однажды он мне сказал: «Да, я знаю, все вы такие проститутки». Каждую брань перемешивает с матом. Ну куда это годится? Безумно ревнует меня к Рашиду, мол, когда мы ехали сюда, еще в Союзе нам в дороге гадала одна цыганка и сказала, что я через десять дней должна встретить близкого человека, и верно, ровно через десять дней мы встретили Рашида.

Он ненавидит Рашида, говорит: конечно, Рашид – милее, Рашид тебе ближе. Я, говорит, еще там заметил, когда нам показали его фотографию, что он тебе понравился. Какой у нас был скандал после того вечера, когда было первое свидание с Рашидом! Чем я виновата, что Рашид опасался говорить с ним, а говорил со мной? После этого он чуть не избил, за то что Рашид взял меня под руку. Говорит – иди и живи с Рашидом, пусть вы будете счастливы. Разве не возмутительно!

Он не спит все ночи, стучит кулаком, ругается матом, бегаёт по комнате.

Мне говорят: «Эмилия, так рассуждать нельзя, ради Родины должна жить с ним. Чем он хуже вас!» О, гаже этого поступка быть не может!

Убеждали меня помочь во имя Родины, сейчас этим же именем толкают меня в петлю. Теперь, когда я как в мышеловке, где не могу даже доказать, что я не какая-нибудь крепостная девка, которую раньше продавали кому посчитают нужным, что я дочь своей Родины, что мой отец – партия и я верна ей, как еще верю сейчас в слово одного из ее представителей, мне говорят другое.

По-моему, Вы должны быть убеждены в том, что удовлетворить его как скотину я не могу ни за что. Я ненавижу его, противно, противно, противно! Да поймите же, умоляю Вас, что это не простой женский каприз! Это не счеты с нацией, не просто нежелание пожертвовать собой ради Родины, наоборот, я готова на любую жертву, только чтобы не жить с этим ненавистным человеком.

Ведь я не изменила своему слову: предупреждала, что жить с ним не буду. Это ложь, будто я вначале колебалась, а потом согласилась. Теперь же, когда я пробыла с ним месяц, клянусь: жить с ним никогда в жизни не соглашусь. Пусть будет один конец: «Ненадежных надо уничтожать». Так уничтожьте меня. Конечно, стыдно в 23 года думать о смерти, но лучше умереть, чем сожительствовать с ним. Я это говорю не потому, что у меня старые взгляды на супружество.

Я тоже допускаю связи, ведь каждый человек хочет жить, и природа требует своего. Но поверьте, пожалуйста, – он гадок, противен. Нельзя партийные качества отождествлять с супружеством. Какой он в жизни, я узнала очень близко и не позволю держать себя в кабале.

Товарищ консул (я надеюсь, что Вы прочтете мое письмо), милый Иван Александрович, умоляю Вас, не отнеситесь к этому делу так просто.

Я клянусь, это не простой женский каприз, не старый взгляд на супружество. Никакое время, никакое одиночество не приблизит меня к нему. Конечно, у вас, мужчин, свои взгляды на это дело. Но прошу Вас понять, что бывают обстоятельства самые гадкие, самые ужасные.

После каждого скандала он старается загладить свою вину, но это ненадолго.

Прошу Вас как можно быстрее принять какое-нибудь решение. Умоляю понять дело так, как оно есть.

Из письма родным

Добрый день, старенькие мои мамочка, папочка, братик, сестрички, Толечка, ребятишки и все, все родные.

Мамулечка моя родная, спешу скорее написать вам письмо, ведь я знаю, как вы сейчас беспокоитесь обо мне, спешу скорее успокоить вас, чтобы не отнимать лишние дни жизни вашей.

Устроилась ничего. Квартира хорошая, имею кровать, стол, два стула. Кушаю прекрасно, ни в чем не нуждаюсь. К работе еще не приступила. Больница здесь хорошая. Буду работать, наверное, хирургом, т. к. в них здесь нужда. Завела знакомых, относятся ко мне хорошо.

Милая мамочка и папочка, прошу вас не беспокойтесь обо мне, не думайте ничего, берегите свое плохонькое здоровье, т. к. я хочу еще пожить с вами вместе, хочу заботиться о вас так, как заботились и воспитывали вы меня. Все мои силы будут на ваше благополучие.

Напишите, пожалуйста, все, все о своей жизни. Получаете ли вы деньги, прикреплены ли к магазину. Я об этом очень беспокоюсь...

Сестрички мои, берегите моего Женю, ведь вы знаете, как он мне дорог...

Из письма любимому

Женюлечка, солнышко ты мое драгоценное, целую и обнимаю тебя!

О если бы ты знал, как мне тяжело одной! Сколько дорогих дней провели мы с тобой! Ведь только ты помог мне окончить институт, только ты один жалел и утешал меня. Я этого никогда не забуду. Я помню свои обещания и в тысячный раз повторяю, что лучше умру, но тебе останусь верной. Ведь ты меня знаешь и этому безусловно веришь. Сейчас как никогда я нуждаюсь в твоей поддержке, письма твои будут давать мне силы жизни...

Жалей маму и помогай ей, как только сможешь, я понимаю, как ей тяжело... Цени и береги, мой мальчик, то, что живешь, взвешивай всегда все и выбирай по своим силам. Я очень хочу, чтобы ты занимался в научных кружках, изучай хирургию, ведь это золотое дело. Почаще заходи к моим сестрицам.

Я всегда вспоминаю то окошко у кровати, где мы просиживали долгие часы, нашу террасу, вишню, тот арык, заборы, маленький домик на Кордонной и маму, которая так приветливо нас встречала...

Женюлечка, напиши все о себе, обо всех наших знакомых, что нового, что хорошего. Передай всем привет...

Ну, милый мой, вот все те строчки, что я могла написать тебе. Прости, если бессвязно, но сейчас я не могу написать лучше.

Целую твои глазочки. Целую крепко, крепко и обнимаю.

Всегда твоя Эмилия.

Второе письмо Романовой Мирошину

Иван Андриянович!

У нас вчера должна была состояться встреча с Рашидом, но он не пришел. Ох, Вы не представляете, какой ужас мне пришлось пережить! Все это приходится терпеть после неудавшегося свидания, но здесь особенно, так как мы были дома. Он кричал во все горло: «К черту такое дело, разве это работа? Если сказал приду, то нужно выполнять!» Ругался как только мог. Когда я пыталась его успокоить – ведь темно, и не увидим, как кто-нибудь придет и подслушает, – он закричал, пересыпая слова матом, что ему все равно, пусть садят в тюрьму. «Я, – говорит, – просидел два года и еще могу. Мне не страшно». Он сказал, что уедет в Центральный Китай, там сможет лучше работать, все его друзья теперь большие люди, и он не хуже их.

Потом он схватил письмо для Вас, написанное мною под его диктовку, и выскочил.

Посудите сами – разве это возможно? – вернулся только через час без письма. Я стала настаивать, чтобы он показал письмо, он сказал, что сжег. Но клянусь, у него с собой не было спичек. Спички оставались дома. Да притом разве можно было делать это на улице? Куда он дел письмо – не знаю.

Мне часто приходится ночью уходить к соседям, так как он бывает очень страшным и в порыве злобы не помнит ничего.

Вспомните, Иван Андриянович, Вы сказали, что он немного горяч. Да, это верно, но не немного, а чересчур горяч. В такие его горячие минуты я сижу где-нибудь во дворе или у соседей прячусь. Ну как после этого жить? Клянусь, что никакой силой меня не заставить это сделать. Хотя он и угрожал полицией, но после всего, что пришлось пережить от него, даже не боюсь последней.

Да все-таки я надеюсь на Вас.

Удивляюсь – почему Вы не хотите понять, что наши отношения – это больше чем серьезно. Здесь дорог каждый день.

(Передаю письмо с посторонним).

Но дальше ждать никакой возможности нет, тем более что он не хочет, чтобы я встречалась с Рашидом, а у меня нет никакого выхода. Он каждый день говорит, что по китайскому закону муж может посадить в тюрьму свою жену или отдать в публичный дом. С этим человеком мы живем в одной квартире, и соседи иногда слышат наши ссоры.

Степанов – Мирошину. 7 октября 1943 года.

На свидание 30 сентября Рашид не явился потому, что был вызван в полицию как свидетель по делу драки, происшедшей между его товарищами. 1 октября выезжал за город, с тем чтобы его не таскали в полицию еще раз, а 2 октября ждал Головина и Романову.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ

китайской (Кульджинской) полиции
по наблюдению за Головиным и Романовой

Сообщение китайской полиции с китайской погранзаставы Хоргос

20 августа 1943 года супруги Сун Цайлян после проверки на границе последовали в Кульджу.

Резолюция начальника: Завести дело. Установить адрес и наблюдение.

Сообщение Кульджинской полиции правительственному комиссару Сюй Бода от 26 августа 1943 года

В Кульджу прибыла семья эмигранта Сун Цайляна, которая сейчас проживает в гостинице «СиньСиньцзян».

Резолюция Сюй Бода: За семьей Сун Цайлян установить постоянное наблюдение.

Протоколы допросов супругов Сун Цайлян (Гао Ипин) направлены в Главное управление полиции в Урумчи. В конце сопроводительного документа сделана приписка:

«После того как канцелярия правительственного комиссара отпустила Гао Ипина, мы установили наблюдение и слежку за ним. Просим ваших указаний».

*Содержание протокола допроса Гао Ипина
от 28 августа 1943 года*

О военном и экономическом положении Советского Союза он сообщил самые общие сведения (так, например, что военные заводы находятся в отдаленных от городов местностях и горных районах).

Романова была допрошена по ее биографическим данным.

Материалы слежки

Секретный сотрудник полиции Тунь Яньшу сообщает, что прибывшая из СССР семья – он китаец, она русская, врач, – поселилась около русского кладбища.

Секретный сотрудник Цянь Шуйшэнь сообщает: 15 сентября, в 19-00, Гао Ипин с женой направились в ресторан «Синьфаньдянь» («Новый ресторан»), в 20-00 возвратились домой.

Опрошенный китайский эмигрант Ян Юйтан показал, что жена Гао привезла из СССР много лекарств.

Когда в 5 часов утра Цянь Шуйшэнь подходил к их дому, жена Гао приоткрыла окно и с опаской выглянула наружу. Соседка – русская женщина, часто заходит к ним.

Сообщения секретного сотрудника Ли Сяо

17 сентября в половине 6-го после работы на прядильной фабрике Гао Ипин быстро и озабоченно пошел домой. Его жена стояла у входа. Вскоре подъехала консульская автомашина с тремя мужчинами, одетыми в европейские костюмы и шляпы. Они зашли и проговорили более получаса, после чего уехали. Жена Гао вышла и закрыла окна и двери.

18 сентября Гао с женой зашли в дом одного китайца. Примерно через час вышла жена Гао, взяла извозчика и поехала на улицу Синшуданцзе, но вскоре вернулась. Немного погодя с восточной стороны подошел русский, в костюме и шляпе, и вошел в тот же дом. Все вместе они были там около двух часов. Затем русский направился в административное управление. Гао с женой ушли к себе домой. По пути встретились с еще одним русским, с которым говорили более 10 минут. Русский ушел по улице Синшуданцзе.

Сообщение секретного сотрудника Ван Сицзю

В воскресенье Гао посетил квартиру уйгура в доме № 8 по первому переулку Мостовой улицы. Пробыл там недолго и направился на улицу Ченлиданцзе, а оттуда в часовую мастерскую на улице Маогунцзе. В 11 часов он раза 3-4 подходил к базару, а потом зашел в татарскую лавку № 13. Через полчаса хозяин лавки пригласил молодого русского, одетого в костюм. Пробыв полчаса, они вышли. Через 20 минут пришла с базара жена Гао с покупками. Пробыв в часовой мастерской до часа дня, они возвратились домой.

Через полчаса Гао опять вышел и, зайдя в дом № 101 по улице Ди Ималу в квартиру русских, находился там до 5 часов.

Сегодня в 7 часов утра он прямо из дома снова пошел в часовую мастерскую, пробыл там с час, затем прошел по улице до двора авиашколы и в 11 часов направился на прядильную фабрику.

Сообщения секретного сотрудника Ли Сяо

21 сентября после полудня Гао Ипин у ворот дома № 101 разговаривал свыше часа с русским, одетым в костюм и шляпу. Русский ушел, а Гао вернулся домой.

22 сентября в половине шестого вечера Гао с женой пришли домой с прядильной фабрики в Илимбаке. Немного погодя Гао вышел и стал у двери. С восточной стороны появились двое русских, одетых в костюмы и шляпы. Все вместе они вошли в комнату и разговаривали там более получаса. Затем русские вышли и направились к улице Синшудацзе, где сели в автомобиль и поехали к консульству. Вошли в него через главный вход.

25 сентября в половине седьмого вечера Гао Ипин возвратился домой с прядильной фабрики в Илимбаке. Его жена стояла у двери. Вскоре с восточной стороны подошли двое русских в костюмах и шляпах и зашли в комнату. Жена Гао закрыла окна и двери. Пробыв там свыше часа, русские вышли и удалились в восточном направлении.

По словам служащего банка Ван Сюэюаня, Гао Ипин 3-4 раза приходил менять американские деньги – 60-70 долларов на 200 с лишним синьцзянских.

Из шифротелеграммы, направленной Кульджинской полицией в Урумчи.

Гао Ипин вместе с женой Романовой, имея на руках паспорта, 20 августа проехали через Хоргос в Кульджу. В Кульдже Гао обратился в административное управление к комиссару Сюй Бода, у которого просил займы денег, заявив, что испытывает трудности. В паспорте он значился как Сун Цайлян. Вскоре после того неожиданно сменил имя и фамилию и вдруг явился в банк менять американские

доллары. Мы установили слежку, которая выявила, что три человека из советского консульства тайком приезжали к ним домой. Его жена выходила закрыть окна. Разговор тянулся продолжительное время.

В последнее время советские бывают у них часто. Уходят необычно: сначала появляется жена, осматривается по сторонам, возвращается обратно, и только после этого посетители покидают дом.

Гао с женой часто приглашают молодежь из числа русских эмигрантов, татар и уйгуров. Каждый раз, выйдя из дома, гости осматриваются по сторонам и затем расходятся.

Обсуждая все это с Сюй Бода, мы пришли к выводу, что Гао и его жена, видимо, шпионы, потому что получить у советских властей позволение выехать за границу очень не просто.

Просим разрешения арестовать их.

Телеграммой от 4 октября Ли Инчи, начальник главного управления синьцзянской полиции, разрешил арестовать Гао Ипина и Романову.

*Сообщения секретного сотрудника полиции «Прохожего»
(Ефима Светличного)*

4 октября. В разговоре Шубин Петр сообщил, что познакомился с новой китайской дамочкой, которую зовут Милой. Я спросил его: «Как провел с нею время?» Он ответил: «Ничего. Не отдавалась целых полмесяца, а потом отдалась». Но имел, как говорит, только один раз. Я спросил: «А муж разве не следит за ней?» Шубин сказал: «Муж ничего не слышал». Я засомневался, что он будто не муж, Шубин ответил, что верно, он ей не муж.

Однажды Шубин сказал ей, что идет в клуб, в консульство, и она тогда передала с ним письмо; Шубин и Султанов его прочитали. В письме она спрашивала, что ей делать с китайцем, дайте ответ. Когда посылали за границу, он перед партией клялся, что не потрогает ее, а теперь заставляет быть женой, угрожает, что здесь не Союз, а Китай, китайские законы строгие.

9 октября. Шубин говорит, однажды китаец застал его с нею. Они сидели вечером за воротами, и он позвал ее в комнату и стал выговаривать: «Почему ты встречаешься с местными?» Шубин в это время стоял под окном. А она ему отвечает: «Нас сюда послали работать. Ты об этом знаешь. Кто ты для меня?» Он сказал: «Я знаю, но ты не должна встречаться с кем попало». Сидя на окне, она оглянулась и увидела Шубина, но не ступала, а закрыла собою окно еще больше и продолжала: «Нет тебе дела до меня... Тебя послали работать со мной, я тебя знаю как знакомого, а указывать мне ты не имеешь права... Ты свое дело делай, а я свое, и больше меня не касайся».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА КУЛЬДЖИНСКОЙ ПОЛИЦИИ

Действия Гао Ипина и его жены Романовой считаем подозрительными и согласно полученному разрешению арестовываем их.

Начальник полиции Цзинь.

Заместитель начальника полиции Лю.

14 октября 1943 года.

Сообщение секретного сотрудника «Прохожего».

24 октября. В разговоре Шубин Петр сказал, что Миля, которая сейчас арестована, не Миля, ее имя Лиана Романова. Еще Шубин сказал, что, распечатав письмо, они узнали, что китаец ревнует ее, когда она встречается со своим сотрудником. Когда Миля выезжала из Алма-Аты, ей сказали: увидишь там татарина, выехавшего в прошлом (42-м) году, который работает зубным врачом. Он даст тебе рекомендации, как работать. То есть зубной врач, который прибыл зимой 42-го года, такой же сотрудник, как и Миля.

Дальнейшие события прослеживаются по советским документам.

Степанов – Фитину и Мирошину. 5 октября.

Находящаяся в тюрьме полиции советская гражданка Варламова Анна своей матери на свидании 3 октября рассказала, что 2 октября к ней в камеру посадили русскую женщину, прибывшую недавно из СССР с мужем-китайцем. Мужа этой женщины посадили в другую камеру. Из описания Варламовой видно, что эти женщина и китаец – Романова и Головин.

Степанов – Мирошину. 7 октября 1943 года.

Айдаров рассказал, что 2 октября днем он встретил Головина и Романову. Романова порывалась что-то рассказать ему, но не было соответствующей обстановки, и договорились о встрече вечером 2 октября, но вечером они не явились.

Степанов – Фитину и Мирошину. 12 октября 1943 года.

Ранее сообщал об аресте Головина и Романовой. Полагаю, что основной причиной провала Головина и Романовой является недоговоренность с ними в Союзе по вопросу их сожительства. В телеграмме от 13 сентября Вы пишете, что Романова – жена Головина, но колебалась в Алма-Ате перед лицом подруг вступить в фактическое сожительство с Головиным. Романова в своем письме и устно (Айдарову) заявляет, что она никогда и никому не обещала жить с Головиным.

Считаем, что провал Романовой и Головина был очевиден уже из первых шагов их пребывания в Кульдже. Их надо было убраться тогда же.

Степанов – Фитину и Мирошину. 7 января 1944 года.

Освободившаяся из тюрьмы полиции советская гражданка Варламова Анна рассказала, что продолжительное время находилась в одной камере с Романовой. Последняя сказала Романовой, что, судя по допросам, ее обвиняют в принадлежности к советской разведке. У Романовой интересовались – почему она приехала сюда с Головиным, не являясь его женой. Романова пыталась утверждать, что она – жена Головина, но это вызвало смех следователей. Одно время Романову держали в душной одиночке, пытки к ней не применяли. Характера допросов Романовой Варламова не знает. Головин передал Романовой записку, в которой пишет, что при обыске полиция обнаружила в чемодане шифр письма Романовой. В записке Головин просил Романову твердо держаться в интересах родины. Месяца два тому назад Головина и Романову заковали и отправили в Урумчи.

Ланфанг – Мирошину. 14 июля 1944 г.

Советская гражданка Юнусова Райхана, ученица советской школы в Урумчи, 10 мая 1944 года была арестована полицией. Ей предложили отказаться от советского гражданства. 12 мая ее выпустили. Она содержалась в камере, где находились четыре женщины: одна русская, одна уйгурка и две китайки. Сокамерница Юнусовой, по имени Миля, о себе сообщила, что ей 24 года, по специальности врач, в 1943 году с мужем-китайцем прибыла из Советского Союза. Вскоре была арестована, просидела два месяца в кульджинской тюрьме, после была этапирована в Урумчи. В этой тюрьме находится 7 месяцев, а с момента ареста прошло 9 месяцев.

Успокаивая Юнусову, Миля советовала ни в коем случае ни в чем не поддаваться, пусть угрожают, обманывают, не нужно робеть, нужно быть стойкой. При этом говорила, что она за время нахождения под стражей испытала все – угрозы, обман, однако не пошла ни на какие уступки. Много раз ее допрашивали о целях приезда в Китай, то есть в Синьцзян, об условиях жизни в Советском Союзе, но от нее не добились признательных показаний.

Миля говорила: «Ты не бойся. За тебя есть кому хлопотать, а за нас хлопотать никому».

*Министру госбезопасности Казахской ССР
генерал-майору тов. Бызову А.П.*

РАПОРТ

17 августа 1943 года Романова и Головин были выведены в Синьцзян. Вскоре, в силу провокаторского поведения Головина, оба они оказались арестованными. По выходе в сентябре 1945 года Головина из тюрьмы выяснилось, что Романова умерла в заключении в июле 1944 года.

*Нач. иностранного отдела МГБ КССР
полковник Мирошин
19 июля 1946 года.*

Мирошин – Шибаетову. 4 августа 1946 года.

Заявление Головина Евсееву о том, что Романова не хотела ехать в Синьцзян на нелегальную работу, не соответствует действительности. Никаких заявлений о нежелании ехать в Синьцзян она не делала и тов. Михайлову в городе Джаркенте.

Единственное, что ее беспокоило как в процессе подготовки к выезду в Синьцзян, так и при самом выезде – это неуверенность в том, что Головин не прибегнет к грубой силе при склонении ее к физическому сожительству с ним, как только они переступят границу. Подтверждаем, что воля Романовой при выводе ее за кордон нами ни в какой степени не угнеталась, и, если бы от нее последовал отказ от поездки в Синьцзян, она безоговорочно была бы оставлена в СССР.

СПРАВКА

Недавно ко мне (в Генконсульство СССР в г. Урумчи) в очень возбужденном состоянии зашел местный профсоюзный деятель китаец Гао Ипин (по-русски Головин), который с нескрываемой радостью сообщил, что из города Сиани его

друзья прислали ему (непонятно – почему через книжный магазин «Синьхуа шудянь») сводку бывшего главного управления полиции Синьцзяна, которая окончательно реабилитирует его, Гао Ипина, перед советской разведкой, подзревавшей в свое время Гао Ипина в предательстве.

Гао Ипина сопровождала жена Волощук Ольга Ивановна.

Последняя заявила: «Я восемь лет не давала мужу покоя, требуя доказательств, что он не виновен перед советской властью. После ознакомления со сводкой я убедилась, что Гао Ипин – честный человек».

В конце февраля с/г Гао Ипин выбыл в Пекин, в Высшую профшколу, где будет учиться два года.

Упомянутый документ Гао Ипин оставил в консульстве и очень просил ознакомить с ним своих товарищей, которые организовали его выброс в Синьцзян.

Генеральный вице-консул СССР в г. Урумчи Иванов И.

12 марта 1953 года.

Тов. Гао Ипину

Направляем запрошенные Вами материалы. Мы их нашли. Просим прислать расписку в получении.

Синьцзянское отделение книжного магазина «Синьхуа шудянь».

22 февраля 1953 года.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о шпионской деятельности СССР в Илийском округе

(перевод с китайского)

...

2. Прибывший из СССР в Синьцзян вместе с семьей китайский гражданин Гао Ипин с китайским паспортом, заявив о тяжелой жизни в СССР, просил оказать ему материальную помощь. Однако нам стало известно, Гао Ипин материально обеспечен хорошо и поддерживает с людьми из совконсульства связь. Путем наружного наблюдения Гао Ипин раскрыт и арестован.

Начальник Главного управления полиции Ли Инчи.

14 октября 1944 г.

* * *

В завершение повествования приведем некоторые сведения о бывшем наркоме безопасности Казахской ССР генерал-майоре Богданове, сыгравшем не последнюю роль в печальной судьбе Лианы и Истаева.

До лета сорокового года Н. К. Богданов был заместителем начальника Лужского райотдела НКВД Ленинградской области. Он лично репрессировал там 20 рабочих и колхозников, объявив их участниками контрреволюционной шпионско-диверсионной группы. Не допрашивая их, он от имени своего подчиненного оперуполномоченного райотдела составил протоколы с признательными показаниями. По решению тройки УНКВД Ленинградской области 17 из 20 обвиненных были расстреляны. Это фальсифицированное дело в 50-х годах было прекращено, а необоснованно осужденные реабилитированы.

Подобным же образом Богданов арестовал еще 30 человек. Его старания в борьбе с «врагами народа» были оценены: в июне 1940 года его назначили заместителем наркома госбезопасности Казахстана, а с начала 1943 года он возглавил этот наркомат.

В Казахстане Богданов не отказался от прежней практики работы. Под его руководством по агентурному делу о националистах было необоснованно арестовано 130 советских и партийных работников.

В результате применения недозволенных методов следствия от них получили показания на еще 500 человек якобы «участников антисоветских националистических организаций», в том числе на секретаря ЦК КП Казахстана Салина, заместителя заведующего отделом кадров ЦК КП Казахстана Бозжанова, наркома земледелия Даулбаева, на 35 секретарей райкомов партии, 28 председателей райисполкомов, 60 председателей сельсоветов и колхозов и других ответственных работников.

В 1946 году Богданов был назначен заместителем министра внутренних дел СССР.

В 1958 году за нарушения законности и глумление над безвинными людьми Богданов был наказан в партийном порядке...

В апреле 2017 года отмечают:

70-летие

Аманбек АКАЙУЛЫ, поэт

Жарылкап БЕЙСЕНБАЙУЛЫ, прозаик

Гарифолла ЕСИМ, критик

Аширбек КОПИШЕВ, прозаик

80-летие

Маржан НУРПЕИСОВА, прозаик

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

